

Вадим Хитров

СЕКРЕТНЫЙ

АГЕНТ

ПО МОРСКОМУ

ДЕЛУ

Вадим Хитров

Секретный агент по морскому делу

«Морское наследие»

2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Хитров В.

Секретный агент по морскому делу / В. Хитров — «Морское наследие», 2021

ISBN 978-5-905795-51-0

На страницах нового романа Вадима Хитрова разворачиваются захватывающие приключения героев, прототипами которых в большинстве случаев являются реальные исторические личности эпохи правления Екатерины II, включая саму императрицу и главного героя – будущего вице-адмирала Российского флота Сергея Ивановича Плещеева. Молодой гвардеец неожиданно для себя становится офицером флота, которому поручаются задания исключительной государственной важности, а выполнять их приходится не только в разных уголках Европы, но и на боевых кораблях под флагами разных держав. Жизнь его постоянно находится в опасности, но ум, находчивость и отвага помогают найти выход из труднейших положений, не поступаясь честью и достоинством.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-905795-51-0

© Хитров В., 2021
© Морское наследие, 2021

Содержание

Пролог	6
Часть первая	11
Глава первая. Каптенармус	11
Глава вторая. Августейший шпион	17
Глава третья. Поворот судьбы	21
Глава четвертая. Ученик второго класса	26
Глава пятая. «Гермес»	32
Глава шестая. Мичман Раш	39
Глава седьмая. Горячее дело	42
Глава восьмая. Непростой француз	45
Глава девятая. Красная треуголка	49
Глава десятая. Тройной агент	51
Глава одиннадцатая. Домой	54
Часть вторая	55
Глава первая. Финк и компания	55
Глава вторая. Назначение – Лондон	64
Глава третья. Симит	66
Глава четвертая. Странный преступник	71
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Вадим Хитров

Секретный агент по морскому делу

© В. М. Хитров, 2021

© ООО «Морское наследие», 2021

* * *

Пролог

1751 год, июнь, Амстердам

– Крейг, вы просите построить корабль меня?! Вы что, не боитесь иметь дело с Фредериком Чапманом? Ведь в свое время я был арестован англичанами прямо на верфи за излишний, как они посчитали, интерес к британским кораблям, это одна из причин, по которой нам приходится встречаться здесь, в Амстердаме, а не в Портсмуте, например. А ведь мой отец, майор Томас Чапман, честно служил британской короне, но одно то, что моя мать шведка, позволило заподозрить во мне шпиона. А, каково? – несколько возбужденным тоном высказался человек по виду лет тридцати, перебивая гомон, всегда царящий в голландских пивных. При этом он активно жестикулировал, а мускулы его крупного лица живо двигались в такт рукам. Видимо, чтобы несколько успокоиться, он опрокинул стопку крепкого женевера¹ и закусил добрым ломтем ноздреватого сыра.

Вид Амстердама. Неизв. художник, вторая половина XVIII в.

– Нисколько не боюсь. Во-первых, вас отпустили без каких-либо последствий. Во-вторых, я не англичанин, а шотландец, и самое главное, я видел ваши чертежи, эскизы, ваши корабли, наконец. Вы не просто корабельный мастер, вы поэт корабельной архитектуры, Чапман, вы новатор, вы не боитесь отойти от закостеневших правил! Вот почему я искал встречи именно с вами. Я знаю, что вы учились не только в Англии, но и во Франции, теперь вот в Голландии. У вас своя верфь в Швеции, дерзайте, – ответил ему светловолосый молодой человек приятной внешности в мундире британского морского офицера, звали его Самуэль Крейг.

¹ Женевер – традиционный голландский крепкий напиток.

– Мой отец так хочет спровадить меня подальше от берегов Британии, что готов на любые траты, и можете мне поверить, его финансовые возможности, равно как и влияние в обществе, весьма велики, – продолжил Крейг.

Ф. Х. Чапман. Худ. А. К. Веттерлинг

– Спровадить, вы говорите, отчего так?

– Вы только что поведали о гонениях, что претерпели от англичан. Поверьте, наш клан натерпелся от них куда больше. Мы, один из старейших шотландских родов, потеряли практически все, включая собственное имя, которое не можем называть под страхом смерти, и вообще выжили только благодаря предприимчивости моих предков и поддержке определенных кругов. Так вот, отец, полагая, что я не смирюсь с такой вопиющей несправедливостью и начну с ней бесполезную и самоубийственную войну, решил отправить меня в море, дабы я тратил свою энергию на борьбу со штормами, а не англичанами. «Шторм – лучший учитель капитана», любит говаривать он. Я, в знак протеста, не стал учиться морской науке, а назвавшись другим именем, ушел простым матросом, чему отец, как мне думалось, был несказанно рад. Однако отцовские чувства вкупе с остатками аристократической спеси не могли допустить такого положения вещей.

Выждав, когда в моей юношеской голове поутихли дурные ветра, и узнав, что я пытаюсь стать офицером, отец помог моим усилиям, и до меня, наконец, стало доходить, что он желает мне блага, за что, нынче, я ему признателен. Так мне удалось стать офицером флота и даже получить королевский патент, скажем так, на некоторые операции. Вот зачем мне корабль.

Я полюбил море, Чапман, и хочу бороздить его просторы на самом совершенном паруснике, самом совершенном, – с пылом говорил молодой офицер под воздействием смеси из собственного энтузиазма и крепкого голландского напитка.

– Вам не дает покоя слава Моргана и Дрейка? Эти времена давно прошли, – попытался остудить его Чапман.

– Как знать, как знать. Мир меняется стремительно. Скажите, а какие корабли нравятся вам, Чапман?

– Никакие! – прозвучал довольно резкий ответ.

– Даже свои? – изумился офицер.

– Я обожаю каждый свой корабль, до тех пор, пока не спущу его на воду. Однако мне тут же начинает казаться, что это никуда не годится и можно было сделать намного лучше.

– Вот как? Вы весьма самокритичны. Впрочем, в этом мы с вами схожи. Я ступал на разные палубы, но поверьте, ни разу не был удовлетворен, мне все время хотелось что-то переделать, исправить. И все же, что-то можно взять за основу?

– Мне нравится фрегат «Эрмион». Я видел, как его строили в Рошфоре.

– Француз? – с явным удивлением спросил Крейг.

– Да, француз, первый фрегат с 12-фунтовой артиллерией, прекрасные обводы, отличные мореходные качества, и при этом он оказался совершенно ни на что не годен. Слабая конструкция, слишком высокие мачты, хлипкие крепления и набор, невыдержанное дерево, железные гвозди, да и для команды мало места. Такой корабль прослужит от силы семь лет и при этом не будет вылезать из ремонта.

– Так почему, черт возьми, вы его рекомендуете?

– Он прекрасен и легок, как сама волна, в отличие от тяжеловесных британских утюгов. Просто надо строить из доброго дерева, высушенного по всем правилам. Следует укоротить мачты, укрепить конструкцию, несколько увеличить размеры.

– Каков же будет ход в таком случае? При крепком фордевинде я хочу иметь до четырнадцати узлов.

– Можно поставить 9-фунтовые пушки, вам их вполне хватит, ведь вы не собираетесь воевать с линейными кораблями. Вообще, корабль надо строить под конкретные цели, так что формулируйте ваше техническое задание, – известный шведский корабельный мастер Фредерик Чапман решительно сдвинул кружки в сторону, раскурил потухшую трубку и выложил на стол толстую тетрадь в кожаном переплете.

– Прямо сейчас? Мы не слишком пьяны для этого?

– Уверен, что в вашей голове настолько прочно засели пункты этого задания, что вы их повторите без запинки в любом состоянии.

– Что же, точнее не скажешь, – согласился Крейг.

– Впрочем, знаете что, пойдём ко мне. Я живу здесь же, на втором этаже этого инна².

Крейга поразило жилище мастера. Некогда белые стены были испещрены набросками и расчетами, по всей площади на деревянных станках наподобие мольбертов художника разместились холсты с чертежами. Листы бумаги валялись везде, и даже скромная кровать не избежала этой участи.

– Ох и попадет вам от хозяина, – покачав головой, констатировал Крейг.

– Уже попало, ничего, моя компенсация его вполне удовлетворила. Что же, приступим.

– Как вы правильно поняли, судно будет каперским и станет действовать в океанских водах на торговых путях между Старым и Новым светом. Судно должно быть размерами и водоизмещением близким к легкому фрегату, иметь соответствующее парусное вооружение.

– Сколько орудий?

² Инн – постоянный двор.

– Двадцать шесть, из них четыре погонных и два кормовых.

– Но как я размещу четыре пушки в носу, да еще при этом обеспечу требуемую скорость?

– Думайте.

– Ладно, я приму ваши требования, но только как почву для дискуссий и поиска компромиссов. Однако, чтобы вы понимали, – опять с некоторой горячностью сказал корабельщик, раскрыв тетрадь, начал энергично чертить карандашом носовые обводы. – Смотрите, вот так это должно выглядеть, чтобы достичь такого хода, и где вы тут видите орудия?

– Не стоит пениться, как добрый боки³, я прекрасно понимаю, что любой корабль есть результат преодоления противоречий. Однако продолжим. Днище необходимо обить медью.

– Ну, это само собой разумеется.

– Далее мичманский кубрик и для остальных офицеров каюты на двоих. Два кубрика для нижних чинов из расчета личная койка на каждого, камбуз с плитой для всей команды.

– Горячая еда? Такое только на линейных кораблях предусмотрено и на тяжелых фрегатах, там место есть. Хотя опасно это. Вот вы не боитесь пожара посреди океана?

– Еще как боюсь, поэтому расположение камбуза, материалы и конструкция должны свести возможность возгорания к минимуму. Надо предусмотреть быструю подачу забортной воды, отделать стенки негорючими материалами.

– Почему вы так печетесь о камбузе?

– Дорогой Чапман, вы знаете, я прошел уже много миль и набрался кое-какого опыта. Одно время я служил под началом некоего капитана Доггерти. Так вот он говорил, что мало сколотить хорошую команду, важно сохранить ее. Он кормил своих людей свежими овощами и фруктами, при любой возможности набирал свежую воду, поскольку знал, что подавляющее количество потерь в плавании среди корабельной команды происходит от цинги, несварения желудка и ряда других крайне неприятных болезней, вызванных небрежением чистотой, а также нездоровой пищей, а главное, затхлой водой. И «летучие голландцы», болтающиеся в море без экипажа, появляются, как правило, вследствие безудержного поноса, а не нападений мифических монстров. Мне нужна плита, чтобы кипятить воду, прежде всего. Кроме того, команда, ослабленная каторжным трудом и болезнями, не только теряет работоспособность, но и склонна ко всякого рода недовольству и начинает бунтовать против всего на свете, а главные враги – это, естественно, офицеры и капитан. Так что плита на камбузе – это гораздо больше, чем устройство для приготовления пищи. Итак, продолжим, особое внимание крьюйт-камере⁴. Она должна быть защищена максимально. Кроме того, я бы хотел серьезно защитить оружейную прислугу, пока что вся забота о них на королевском флоте заключается в том, что стенки оружейной палубы красятся изнутри в красный цвет, дабы разлетающаяся кровь была не так заметна и комендоры не теряли боевой дух, а вместе с ним и меткость.

Произнеся этот небольшой спич, офицер с улыбкой посмотрел на корабельщика. Тот, подперев рукой свой обширный лоб, видимо уже захваченный интересной технической задачей, что-то живо рисовал.

– Скажите, а как будет называться корабль, вы уже придумали или мне озаботиться рабочим названием? – произнес Чапман, не отрываясь от своего эскиза. – Я, знаете ли, привык озаглавливать проект в самом начале, он как-то сразу становится осязаемым и конкретным.

– Что же, как известно, вначале было слово. Фрегат будет называться «Гермес». Это желание моего отца.

– Ну что же, так и озаглавим, – пробурчал про себя мастер.

Вдруг он поднял голову и как-то по-особому взглянул на своего визави.

– Вы сказали «Гермес»?

³ Боки – традиционное голландское пиво.

⁴ Крьюйт-камера – помещение на парусных кораблях для хранения взрывчатых веществ.

– Совершенно верно.

– Вы шотландец, а ваш отец, как вы изволили выразиться, в некоторых кругах очень влиятельный человек, но имени его вы не называете. Однако именно отец дает имя кораблю, на котором будет служить его сын, название явно неслучайное и говорит о многом. Я, кажется, догадываюсь, кем может быть ваш отец, это похоже на открытие работ, это древний...

– И принятый устав, – вполголоса закончил странную фразу Крейг, глядя прямо в глаза собеседника, – и хватит об этом. Я осознал, что вы проницательный человек, Чапман, надеюсь, вам достанет проницательности и для того, чтобы держать эти догадки при себе.

– Хорошо, я буду зодчим вашего корабля, – почти шепотом и несколько торжественно произнес Чапман.

Часть первая

По повелению ее Императорского Величества

Глава первая. Каптенармус

1764 год, сентябрь, Санкт-Петербург

Екатерина встала, как всегда, очень рано, сразу подошла к окну. Рассвет еще не наступил, но первые его блики уже играли на мелкой невской волне. Похоже, дождя не намечалось. Она улыбнулась, встречая новый день, столь важный для нее, и хорошая погода обещала, что день этот пройдет наилучшим образом. Обычно весь дворец в это время еще почивал. Екатерина обожала эти спокойные часы, когда никто не мог помешать столь любимым ею литературным занятиям. Проснувшись, она обычно никого не будила и даже могла сама запросто подкинуть полено в камин. Но не сегодня, дата 22 сентября стояла особняком в календаре императрицы, к этой дате Екатерина готовилась тщательно и потому прислуга ни свет, ни заря уже была на ногах. 22 сентября! Полковой праздник измайловцев! Императрица всегда помнила, кому обязана восшествием на престол, помнила она и то, насколько переменчивы настроения в буйных и столь часто нетрезвых головах храбрых гвардейцев. Екатерина прекрасно осознавала, что борьба за корону еще далеко не закончена и положение ее неизбежно назвать никак нельзя. Императрица перешла в соседнюю комнату, где десять минут уделила туалету, взбодрив лицо ледяным обтиранием, после чего посмотрелась в зеркало и осталась довольна. Беспристрастная амальгама отразила лицо тридцатитрехлетней полной сил женщины без каких-либо признаков старения. Она позвонила в колокольчик. Скуластая камчадалка Екатерина Алексеева принесла гренки и кофе, что, собственно, и составляло весь завтрак. О крепости этого ароматного напитка при дворе ходили легенды, говорили, что некоторые, попробовав его, даже теряли сознание, а прислуга потом еще несколько раз заваривала кофейную гущу для себя. Закончив с кофе и бросив несколько гренок левреткам, она опять позвонила в колокольчик к одеванию. Закончив туалет, Екатерина еще раз посмотрелась в зеркало и вышла в приемную залу, где ее уже ожидали несколько придворных, застывших в почтительном поклоне. С немецкой педантичностью императрица стала проверять исполнение накануне отданных распоряжений касательно сегодняшнего дня. Первым придирчивому осмотру подверглось мундирное платье, красовавшееся на двух манекенах. Сначала глухое, с алым лифом и юбкой, отороченной золотым позументом, потом зеленое распахнутое с длинными рукавами и, наконец, черная треуголка с кокетливыми золотыми кисточками по краям.

Цвета лейб-гвардии Измайловского полка удалось выдержать идеально, ее императорское величество позволили себе улыбнуться. Идея и вправду оказалась удачной, ибо не след российской императрице скакать, как в былое время, в мужском военном костюме, а показаться своей среди гвардейцев было совершенно необходимо. Поняв, что их императорское величество довольны, с облегчением улыбнулся и гардеробмейстер Василий Шкурин, безмолвно стоявший чуть поодаль.

Императрица Екатерина II в мундире подшефного гвардейского полка. Гравюра, 1770 г.

Далее государыня, словно ревизор, скрупулезно проверила количество ефимков, червонцев и серебряных рублей для поощрения офицеров и нижних чинов. Оружейник предъявил три наградные золотые шпаги, а ювелир – четыре табакерки, украшенные самоцветами и портретом императрицы, для особо отличившихся офицеров. Перечитала она и переписанный начисто собственный указ о присвоении очередных чинов, указала секретарю Кузьмину на небольшую помарку, однако переписывать не заставила. Напоследок, осведомившись, довольно ли вина и другого угощения, Екатерина решила, что все готово должным образом, и удалилась переодеваться.

Вскоре кортеж императрицы выдвинулся в сторону Измайловской слободы, той, что располагалась между Фонтанкой и дорогой на Царское село. Екатерина сидела в карете одна. Григорий Орлов вместе с кавалергардами сопровождал кортеж верхом. Она не любила на людях выказывать свои амурсы, и еще более не любила терять время, а неспешное движение располагало к размышлению, а подумать государыне было над чем, из головы не выходил давешний разговор с графом Иваном Чернышевым. Разговор этот весьма неприятно обеспокоил государыню.

Руководитель комиссии по преобразованию флота и член адмиралтейств-коллегии Иван Григорьевич Чернышев к своим тридцати девяти годам приобрел известность как опытный дипломат и деловой человек, промышленник. И хотя он как военный в свое время служил в Семеновском полку, судьба постоянно сталкивала его с флотом. Благодаря всем этим качествам, граф Чернышев неоднократно давал точные оценки как значению флота, так и его проблемам, что, с подачи императрицы, и послужило назначению его на нынешнюю должность.

Вообще умение Екатерины правильно, как бы сейчас сказали, принимать кадровые решения было одним из главных ее талантов.

Чернышев явился с докладом в одиннадцать утра.

– Добрый день, ваше императорское величество.

– Добрый день, Иван Григорьевич. Почитала я записки ваши о состоянии флота нашего. Неужели и впрямь так все плохо? Я вот повелела два 66-пушечных корабля заложить.

– Сие великолепно, ваше императорское величество, однако буду говорить откровенно, в целом состояние флота плачевное. Такие корабли тоже нужно строить, однако к генеральной линейной баталии они уже малопригодные. Великие морские державы нынче строят корабли первого ранга 100-пушечные, у англичан таких уже четыре, а у нас на Балтике всего один. Да и те корабли, что имеются, по правде сказать, в большинстве своем гнилые и к серьезному плаванию фактически неспособные. При тимберовке⁵ выяснилось, что из семи 66-пушечных кораблей пять надобно разобрать за ветхостью. Команды к управлению большими кораблями непривычные, посему «Святой Дмитрий Ростовский» дальше Эзеля не ходил, а в основном у стенки простаивает. А плавать надо! Сие не только командам полезно, но и самим кораблям. Вода в Финском заливе почти пресная, дерево не просаливается и подвергается нашествию гадов всяческих. Адмиралы нынешние под стать флоту. Да вы и сами изволили лицезреть конфуз, что приключился на смотре, по вашему повелению учиненном.

– Да, отчеты я ваши читала и маневры на Неве наблюдала, когда фрегат галере все весла переломал. Я чуть со стыда не сгорела, глядя, как шведский посланник ухмыляется. С таким флотом только сельдей ловить! Как же так получилось? Петр Алексеевич флот наш возродил, почитай заново отстроил, шведов на море бил, и снова мы у разбитого ведра.

– У корыта.

– Что? Ах да, правильно, у корыта.

– Ваше императорское величество, флот есть механизм сложный, требующий постоянного внимания и денег. Искусство корабельной архитектуры развивается стремительно, равно как и корабельное вооружение. Отсюда и правила морских баталий тоже меняются. Петр Алексеевич понимал это, посему флоту уделял внимание неусыпное. Однако он должен был спешить, оттого строил корабли из сырого леса, вооружал кое-как. Швед наседали, и кабы Петр Алексеевич промедлил, запечатал бы нам выход в Европу, а то и Петербург бы захватил. А после Петра никому до флота и дела не стало, – с чувством говорил Иван Григорьевич.

– И ничего не случилось. Может быть, все преувеличено, а, Иван Григорьевич? Флот – игрушка дорогая, – слегка подначивая Чернышева, сказала Екатерина.

– Флот не игрушка! Как такое можно говорить! – повысил тон граф, глаза сверкнули. Куда делся обычно вальяжный вельможа с некоторой ленцой во взгляде, за что Екатерина за глаза называла его «наш барин». Он даже коленями несколько сдвинул столик, который всегда располагался между собеседником и императрицей. Столик этот имел хитрую форму, выгибаясь в сторону визави.

– Но, но, Иван Григорьевич, полегче, вы эдак мне все бедра обомнете, – с улыбкой отмахнулась Екатерина.

– Извините, ваше императорское величество, но думаю, сила морская для государства российского имеет значение наиважнейшее. Судьба многих войн решалась на море, а воевать придется и с турком, и со шведом, и еще бог знает с кем. Иначе закупорят нас, не дадут торговать ни в немецких землях, ни на юге. Флаг Андреевский отовсюду виден должен быть, тогда и слово императрицы российской веским будет в европейском политесе. А ныне мы имеем, что султан турецкий не пожелал дать фрегату «Надежда благополучия» фирман для прохода

⁵ Тимберовка – капитальный ремонт надводной и подводной частей деревянного судна.

через проливы, и не попал наш корабль в Средиземное море. Не думаю, что это решение только Турции. Маячат Франция да Австрия за сим недружественным актом.

– Так с чего же нам начать?

– С леса, ваше императорское величество, и с мастеров.

– Отчего же с леса? – удивилась Екатерина.

– Здорового корабельного леса мало, а англичане вывозят его из Архангельска нещадно, пользуясь привилегиями, ранее данными. Свой-то они, почитай, весь извели, теперь за наш принялись. После себя бурелом один оставляют да пустыню Галилейскую. Скоро ни одного дуба не сыщется. Нам же одна лиственница остается, или же из казанского дуба строить, а он много хуже. Запретить сие разграбление надобно немедля, самим лес заготавливать под флотские нужды, уже ближайшей зимой. Мастера потребны, корабелы, оружейники, ну и моряки, конечно. Выписывать надобно из Голландии и других стран и своих посылать, дабы уму-разуму учились.

– Петр Алексеевич так и делал. Где же все?

– Флота нет и морского люду нет.

– Кто же мне нынче корабли строит, ежели вы говорите, что мастеров нет?

– Ну есть, конечно, только мало, а главное, отстали мы по всем статьям, пока на месте топтались.

– И тут заново все, – с некоторой досадой сказала Екатерина.

– Да, ваше императорское величество. Ничего не попишешь.

– А ну как разбегутся, в какой-нибудь Голландии и останутся?

– Бывало и такое. Людей надежных я подберу, только из тех, кто своей волей захочет. И еще, особенно отстали мы по корабельной архитектуре, так что посылать надобно не только морскому делу учиться, но и секреты разные добывать.

– Дело говорите, Иван Григорьевич. Наперво прожекты указов обдумайте, не мешкая, и ко мне с докладом, а через три недели и людей явите, токмо чтобы языкам обучены были. А то слышала я анекдотец, как некоторые гардемарины из Европы домой просились у Петра Алексеевича, мол, танцы и приемы шпажные освоили, но поскольку языка не знают, науку корабельную воспринять не могут. Ну император через послов в Европе и объяснил им доходчиво, на том языке, что все понимают, даже кто по-русски не понимает, что коли явятся неучами, то танцевать на галерах с веслами будут. Шпажный же экзамен он лично примет, однако сильно извиняется, что, мол, экзаменовать будет своею тростью, оно ему так сподручнее.

Граф рассмеялся. Сколько тростей сломал государь о хребты на подобных экзаменах, ему было ведомо. С тем Чернышев и откланялся.

Так, за размышлениями, Екатерина и не заметила, что кортеж добрался до Измайловской слободы. Подъемный мост был опущен. Старый гвардеец взял на караул и поднял шлагбаум.

Государыня приоткрыла дверцу и с интересом стала рассматривать бравого солдата, сухощавого, подтянутого, обветренного военными походами. Парадный мундир ладно сидел на нем, гренадерская шапка блестела на солнце, вторя медалям на груди.

– Здравствуй, солдат.

– Здравия желаю, ваше императорское величество, – отрапортовал гвардеец.

– Кто таков будешь?

– Фельдфебель гренадерской роты первого батальона Семен Костров.

– Отчего фельдфебель и на шлагбауме?

– По случаю встречи вашего императорского величества. Командир полка будет сей минут.

– Откуда знаешь?

– Послал гонца.

– Да как же ты успел?

– Ваш обоз, извините, кортеж издаля слышно.

– Молодец, вот тебе по случаю праздника, – императрица вручила небольшой, но довольно увесистый мешочек, украшенный личным вензелем.

– Премного благодарен, ваше императорское величество.

В это время прискакал командир полка генерал-аншеф и гвардейский подполковник Василий Иванович Суворов.

– Здравия желаю, ваше императорское величество, – приветствовал генерал и отсалютовал обнаженной шпагой. – Разрешите сопровождать!

– Здравствуйте, Василий Иванович, сопроводите, будьте любезны.

Кортеж медленно тронулся. Однако почти сразу Екатерина дала команду остановиться. Дело в том, что она услышала родную речь. Звонкий молодой голос выговаривал кому-то на чистейшем немецком и тут же перешел на английский. Говорящего скрывала стена казармы, однако голос слышался совсем близко.

И действительно, буквально за углом расположился небольшой прилавок под навесом, по типу тех, что обычно можно было видеть на городских рынках. По одну сторону прилавка стояли два солидных господина, явно купеческого звания, а по другую – военный. Вокруг разложенных на прилавке разного вида тканей шел форменный торг.

– Эти ваши намеки ни к чему, и подношений я ваших принять не могу, – резко и с укором выговаривал молоденький унтер-офицер, отодвигая от себя какую-то коробку. Был он тонок в кости, роста самого среднего, но в голубых глазах его светилась непреклонная, не по годам, решительность.

– Да, но это просто в честь полкового праздника, вы не подумайте ничего плохого, господин Плещеев, – дал ход назад купец, похожий на немца.

– Все же вернемся к делам и быстро покончим с ними. Мне на построение торопиться надобно, – обратился военный к купцам. – Вот это сукно в порядке, а эту штуку сукна, мистер Лонг, я не приму, – продолжил он на английском. – Она же явно отличается по цвету, неужто вы не видите? Что же это, у нас в парадном фрунте господа офицеры разноцветные, как птицы попугаи, стоять будут? Да мне командир полка так холку намылит, что будьте любезны, да и господа офицеры не отстанут. Однако ткань нам нужна, покрой форменный снова меняется. Сроку у вас две недели, а не как прошлый раз.

– Дак в тот раз судно задержалось из-за штормов. Едва не потонуло. Раньше пяти недель не успею, – оправдывался Лонг.

– Другие успеют, – спокойно парировал Плещеев.

– С вами трудно договариваться.

– Зато выгодно. Гарантированный заказ с гарантированной оплатой, мечта негодянта, не правда ли, мистер Лонг? Ну ладно, сукно у вас больно хорошее, пожалуй, соглашусь на четыре недели и ни днем более. Иначе пеня, либо вовсе подряд другому купцу отдам. Договорились?

– Договорились, господин Плещеев, – нехотя согласился англичанин.

– Теперь с вами, герр Циммерман, – солдат перешел на немецкий. – Вы сами посмотрите, сей золоченый позумент уже прежнего.

– Вы такой сами заказали, господин Плещеев.

– Сие верно, однако цену вы предлагаете такую же. Я же предполагал, что цена за аршин должна быть ниже.

– Но тут и качество выше.

– Не вижу разницы, – отрезал унтер-офицер.

– Право слово, герр Циммерман, хватит торговаться, – услышали коммерсанты за спиной веселый женский голос, говоривший по-немецки. – Дайте же скидку, хотя бы в честь праздника, а то так и вправду на построение опоздать можно. Или вы и мне откажете?

Обернувшись, все обомлели, перед ними стояла сама самодержица российская в сопровождении офицеров.

– Никак нет, ваше императорское величество, – поклонившись, ответил немец, – даю дисконт в пять процентов.

– Ну, не жадничайте, – входя в роль, задорно воскликнула Екатерина.

– Хорошо, семь процентов, – скрипя зубами, выдавил из себя герр Циммерман.

– А вы как же, мистер Лонг? – осведомилась императрица.

– Если в честь праздника, то я тоже, – пробурчал англичанин.

– Вот и славно. Прощайте, господа.

– А вы, кажется, боялись опоздать на построение, каптенармус. Я правильно понимаю вашу должность? – с привычной улыбкой обратилась она к вытянувшемуся по струнке унтер-офицеру.

– Так точно, ваше императорское величество, каптенармус Плещеев, – не смея шелохнуться, выпалил гвардеец.

– Пойдемте, сударь, в моей карете вы точно прибудете вовремя. Ну, что же вы? Никак оробели?

– Измайловцам робеть не положено, – отчеканил Плещеев.

– Тогда вперед, гвардеец! – весело скомандовала императрица.

Быстро отгремел праздник с высочайшими поздравлениями, парадными маршами, застольями и награждениями. Не забыла тогда императрица и юного гвардейца, вручив ему кошель с несколькими рублями. Каптенармус вернулся к своим повседневным обязанностям, но часто с улыбкой вспоминал, как прокатился в царской карете, игриво разукрашенной херувимами, вспоминал он и ласковый голос государыни, и приятный аромат, исходивший от нее.

Одного не ведал гвардеец, что судьба его уже решалась в самых высоких сферах, и не только в России, и оттого жизнь его вскоре изменится самым кардинальным образом.

Глава вторая. Августейший шпион

1764 год, октябрь, Лондон

Его величество король Георг Третий считал весьма важным лично уделять время британской разведке, которую он почитал своим детищем. По правде сказать, 26-летний монарх умом не блистал и еще не наигрался, и особенно ему нравились игры шпионские. В своем воображении он готов был и сам, завернувшись в широкий темный плащ и натянув поглубже широкополоую шляпу, следить за каким-нибудь субъектом или, еще лучше, учинить лихую интригу с подкупом и страстным романом, чтобы добыть нужные сведения. Королевское положение, конечно, не позволяло этого делать, однако оно позволяло делать куда большее, а именно, самому плести шпионскую паутину и, будучи в самом ее центре, расставлять хитрые ловушки, дергая за нужные нити, затягивать в сети все новые жертвы и получать столь необходимую информацию о планах противников и союзников. Надо сказать, что британская разведка к тому времени представляла собой разветвленную мощную организацию, на которую работали дипломаты, профессиональные разведчики и завербованные агенты. Дабы не запятнать в случае провала честь британской короны, центр европейской резидентуры располагался в Роттердаме, куда стекались сведения от всех европейских дворов. Весь этот поток анализировался, проверялся, сортировался и поступал в Лондон. Так что его величество был прекрасно осведомлен обо всем, что творилось на континенте и в колониях. Отдельно существовала секретная служба военно-морского ведомства, агенты внутреннего отдела которой, не щадя себя, усердно подпайвали по портовым кабакам матросов и шкиперов, еще более развязывая языки и без того охочим на рассказы морякам. Внешний же отдел, благодаря донесениям офицеров флота, приносил из дальних походов данные по состоянию морских дел в других державах. Управлял морской разведкой секретарь адмиралтейства сэр Филипп Стефенс. Человеком он являлся весьма предприимчивым и дельным, недаром продержавшись на столь хлопотной должности не один десяток лет. Благодаря усилиям своего руководителя эта служба приобрела наиважнейшее значение для Британии как владычицы морей и многочисленных колоний. Встречи опытного сорокадвухлетнего шефа морской разведки с молодым королем происходили регулярно, и даже слишком часто, чем досаждали Стефенсу, будучи обузой и отвлекая от неотложных дел по службе, ведь к каждой такой встрече король требовал подготовить небольшой доклад. Его величество желали быть в курсе, однако глубоко вникать в силу своих мыслительных способностей не могли.

Король Георг III (1761 г.). Худ. У. У. Райленд

Вот и теперь Стефенса вызвали к королю. Незамедлительно явившись пред очи монарха, он учтиво поздоровался и начал было доставать бумаги.

– Вот что, Стефенс, оставьте свой доклад, – остановил его король, – присаживайтесь. Мне необходимо обсудить с вами одну весьма деликатную тему.

– Я весь внимание, ваше величество.

– Дело в том, что я получил личное послание от императрицы Екатерины, она просит принять в обучение морскому делу двадцать русских.

– Я в курсе, ваше величество.

– Как, уже?

– Такова моя служба, – скромно ответил Стефенс.

– Хорошо, и насколько вы в курсе?

– Мне известно, что в послании содержится пожелание часть учеников отправить на верфи, а часть на корабли.

– Вы что, читали письмо?

– Что вы, ваше величество, у нас свои источники.

– Черт возьми, вы не зря получаете жалованье, Стефенс. Итак, учитывая наши политические намерения, было бы невежливо ответить Екатерине отказом, но в то же время среди гардемарин могут затесаться шпионы.

– Вы абсолютно правы, ваше величество, – стараясь сохранять серьезность на лице, подтвердил Стефенс.

– Так что же нам предпринять в данной ситуации? Говорите прямо, без реверансов.

– Лучше всего было бы отказать под благовидным предлогом, однако, как вы совершенно верно подметили, любой предлог будет воспринят Екатериной весьма неблагоприятно, нам же сейчас портить отношения с Россией невыгодно. По этой причине из двух зол надо выбрать меньшее и извлечь из этой ситуации максимальную пользу.

– Каким образом?

– Ваше величество, представьте себе молодых людей, впервые оторвавшихся от дома, от начальства, кровь играет, перед ними откроется целый новый мир, мир, полный соблазнов. Так что наверняка выбравшись из российской берлоги, они станут попадать во всякие истории, в разные щекотливые ситуации, в чем и мы можем им помочь, а все это благодатная почва для вербовки.

– Вы все о своем, впрочем, вы правы, агенты нам нужны. Что же, тогда необходимо учредить неусыпный надзор за каждым.

– На верфях и в классах мы сможем это обеспечить, кроме того, я бы ограничил их доступ к новым кораблям, но вот что делать в неурочное время, когда русские будут в городе, у меня нет столько агентов, тем более филеров. Что касается гардемарин, предназначенных к службе на флоте, надо отправить их на те корабли, что несут службу где-то очень далеко, вдали от Европы, и на которых есть мои люди.

– Пожалуй, во всем соглашусь с вами, – поддержал король. – Однако проблему с надзором надо как-то решить, – после некоторой паузы озабоченно произнес Георг и снова вопросительно посмотрел на Стефенса.

– Может быть, попросить помощи с Боу-стрит, как вы думаете, ваше величество? – вкрадчиво спросил Стефенс.

– Может быть, может быть, – задумчиво произнес король, – действительно, пусть «Слепой лис» поможет. Я сам распорядюсь, сам поставлю задачу. Это дело наисерьезнейшее, государственное дело, – с пафосом закончил он.

– Какая отличная идея, ваше величество.

– Кроме того, надо бы побольше узнать об этих русских молодцах, я, пожалуй, дам соответствующее распоряжение нашему послу в Петербурге.

– Гениально, ваше величество, это нам несомненно поможет.

– Недурно, прямо скажем, недурно, – похвалил монарх сам себя, – итак, повелеваю: ее величеству императрице Екатерине дать положительный ответ. Пятнадцать человек отправить на флот в дальние походы, пятерых оставить на верфях в Чатеме, за коими установить круглосуточный надзор. О тех же, что будут служить на кораблях, запрашивать регулярные отчеты

от капитанов и судовых агентов морской разведки, также необходимо принять все меры к вербовке. Отвечает за успех данного дела секретная военно-морская служба и лично вы, Стефенс, – с этими словами король закончил свой краткий спич, произнеся его, словно глашатай с небес, после чего отпустил Стефенса исполнять монаршую волю.

Глава третья. Поворот судьбы

1764 год, октябрь, Санкт-Петербург

Не прошло и трех недель после полкового праздника, как в расположение лейб-гвардии Измайловского полка прибыл подпоручик кавалергард, и каптенармуса Плещеева срочно вызвали к командиру полка.

– По вашему приказанию... – начал было рапортовать Плещеев.

– Отставить, каптенармус, – мягко прервал его старый генерал.

– Вот ваш Плещеев, – недовольно бросил Суворов огромного роста кавалергарду.

– Этот? – с удивлением задался вопросом офицер, рассматривая щуплого невысокого юношу. В его взгляде сквозило недоумение по поводу того, как вообще эта блоха могла оказаться в гвардейском полку.

– Так и есть, натурально, каптенармус Плещеев, – несколько раздражаясь, подтвердил командир полка.

– Сударь, вам именное предписание завтра явиться ко дворцу, – бодро отчеканил посыльный и с кивком головы передал пакет ничего не понимающему Плещееву.

– К какому дворцу? – нелепо спросил он.

– Как к какому? К императорскому! – с ухмылкой ответил офицер.

– Разрешите удалиться, – обратился кавалергард к генералу.

– Можете идти, – буркнул Суворов.

– Вот что, Плещеев, – задумчиво произнес генерал, – не знаю, зачем ты во дворце побился, однако чувствую поворот в судьбе твоей нешуточный. Не упusti момент, но держи ухо востро, государевы покои – это тебе не казарма, а придворные не братья по оружию, и помни, честь дороже всего. Не посрами звание измайловца.

– Так точно, не посрамлю.

– Ну что же, парень ты смекалистый, боюсь, отберут тебя, где я еще такого толкового каптенармуса найду. Ты вот что, мундир и сапоги чтобы по первому разряду были вычищены, и опаздывать нельзя. Государыня порядок во всем любит. Знаешь что, поеду-ка я завтра с тобой сам, до дворца, чтобы никаких задержек не случилось, – с беспокойством говорил Суворов, принимая участие в судьбе сына своего старого товарища.

– Премного благодарен, но извольте самому, ничего со мной не случится, – бодро ответил Плещеев.

– Ну, добро, добро, бог тебе в помощь.

Предчувствовал Василий Иванович, что видит своего каптенармуса едва ли не в последний раз.

Плещеев никогда не бывал в столь высоких покоях. С понятной тревогой передал он предписание дежурному офицеру. Пока провожатый вел Плещеева по коридорам дворца, молодой гвардеец все время оглядывался по сторонам, любясь несказанной красотой и величием главной резиденции российских императоров. Наконец, он оказался в небольшом помещении, где рядом с массивной дверью за столиком сидел человек непонятного возраста и что-то писал. Был он одет в синий камзол, на ногах коричневые тупорылые ботинки, икры плотно обтянуты белыми чулками, на голове красовался сильно напудренный парик с буклями.

– Плещеев? – строго спросил он, глядя сквозь круглые очки.

– Так точно.

– Ждите, – приказал он и скрылся за дверью, вернувшись через минуту, снова принялся что-то писать. – Не стойте истуканом, присядьте в кресло, – повелительно предложил человек.

Плещеев присел в красивое белое гнутое кресло, украшенное золоченой инкрустацией, впрочем, ему оно показалось не очень удобным.

Умудренный опытом кабинет-секретарь Адам Васильевич Олсуфьев знал, что говорил, когда предложил Плещееву присесть, ждать пришлось изрядно, поскольку в соседнем помещении государыня и вице-президент адмиралтейств-коллегии горячо обсуждали будущую экспедицию и каждую кандидатуру к отправке на британские острова.

– Должна сообщить вам, Иван Григорьевич, что после разговора с вами отослала я письмо другу нашему и самодержцу британскому Георгу и не далее как третьего дня получила величайшее соизволение на то, чтобы послать в обучение морскому делу двадцать волонтеров. Пожелала я, чтобы люди наши частью проходили обучение на кораблях, а частью на верфях адмиралтейства. Обещано оказать нам всяческое содействие и распределить учеников по кораблям флота английского.

– Сие весьма примечательно, ваше императорское величество, я же со своей стороны подготовил кандидатуры числом двадцать пять.

– Давайте взглянем.

Екатерина прищурилась, потом, как бы стесняясь, приложила к глазам пенсне. Она прошла по списку сразу, решительно вычеркивая некоторые фамилии, руководствуясь какими-то своими соображениями, о некоторых персонах советовалась с Чернышевым. В результате осталось девятнадцать человек.

Чернышев начал было сетовать на то, что он не сможет быстро подобрать еще одного достойного кандидата.

Портрет И. Г. Чернышева (1780 – 1790-е гг.). Худ. Д. Г. Левицкий

Однако Екатерина, хитро улыбнувшись, сказала, что беспокоиться не о чем.

– Как это не о чем, ваше императорское величество? – недоуменно спросил Чернышев.

– Вот так, не о чем, – загадочно ответила Екатерина и позвонила в колокольчик.

Олсуфьев отложил перо, снял очки.

– Ну вот, и твой черед наступил, – со вздохом произнес он.

Плещеев немедленно вскочил, слегка побледнев.

– Так, ногами сильно не топтать, не на плацу, не орать, потому как опять же не на плацу, при сем не робеть, отвечать спокойно, но твердо, – напутствовал юношу кабинет-секретарь.

– Так точно.

– Ну давай, раз так точно, – произнес Олсуфьев с ухмылкой и отворил дверь.

Чеканя шаг, гвардеец вошел в залу.

– Каптенармус ее величества лейб-гвардии Измайловского полка Плещеев по вашему приказанию явился, – громогласно отрапортовал он.

«Так точно, так точно, ни черта ты не понял», – проворчал Олсуфьев себе под нос, оставшись один, и снова принялся за бумаги.

– Вот и мой сюрприз, Иван Григорьевич, как он вам?

– Жидковат статью, да и возрастом невелик, – с сомнением ответил Чернышев.

- А вы погодите с выводами, граф, – с улыбкой сказала государыня.
- Сколько тебе лет? – лукаво спросила Екатерина на немецком.
- Шестнадцатый пошел, – ответил на немецком Плещеев.
- Давно служишь? – спросила она уже на английском.
- Без малого три года.
- В баталиях бывал? – спросил Чернышев.
- Так точно, с пруссаками.
- Страшно?
- Врать не буду, страшно, но срамиться нельзя.
- Верно, кто говорит, что не страшно, тот либо записной дурак, либо лгун первостатейный, – констатировал граф.
- Вы бы слышали, Иван Григорьевич, как сей юноша лихо торговался с иностранными купцами на их родных языках, – обратилась к графу Екатерина, переводя разговор в другое русло.
- Другими языками владеешь? – спросил Чернышев.
- Никак нет, нужды не было.
- А ежели будет?
- Я к языкам охочий, ваше сиятельство.
- Откуда такие способности? – поинтересовался граф.
- Ко мне в имении под Москвой, где семейство наше проживает, приставлен был шотландец, по виду настоящий пират, как он к нам попал, того я не ведаю, знаю, что явился он из Австрии, то ли он там в плену был, то ли по другой причине, сие мне тоже неизвестно. Говорил, что в Россию приехал на заработки, по морскому делу, но думаю, от преследований спасался. Так вот он меня языкам и обучил. Способности у меня проявились. Я еще шотландский немного знаю, только он ни разу не пригодился. Про моря он мне много рассказывал, про корабли.
- Как в полк попал?
- Папенька служили в сем полку, меня и записали с рождения.
- А я-то думаю, как ты с такой статью в гвардейцах оказался. К морской службе охоту имеешь? – продолжил расспросы граф.
- Ежели пошлют, отказываться не стану.
- А что же ты подношений от господ негоциантов не принял? – спросила Екатерина.
- Дурно пахнут сии подарки, ваше императорское величество. Сильно они дальнейшему делу мешать станут, как с них потом спрашивать?
- Вот бы у меня все чиновники таковыми были, – со смехом сказала Екатерина.
- Честный, значит? – спросил Чернышев.
- Подлецов в роду нашем никогда не бывало, – с некоторым вызовом ответил гвардеец.
- Ну, ты не обижайся. Выспрашиваем у тебя, потому как дело важное тебя ожидает, посему уверены быть должны, – примирительно, но довольно строго произнесла Екатерина и вдруг задумалась, потом, кажется что-то припомнив, улыбнулась. Екатерина много времени посвятила изучению русской истории и не преминула случаем показать это знание.
- А скажи-ка, гвардеец, не того ли ты Плещеева потомок будешь, что царь Иван Третий к султану турецкому Баязету с важным посланием отправил, и посол сей у пашей местных отказался деньги и дорогую одежду принимать, добиваясь скорейшей встречи с султаном?
- Так точно, предок мой это был, Михаил Андреевич Плещеев, с того времени в нашем роду так и повелось, никаких подношений подлых не принимать. Не сомневайтесь во мне, ваше императорское величество. По правде сказать, должность каптенармуса не по мне, – в искреннем порыве высказался гвардеец.

– Ладно. Быть посему. Направляю тебя в Морской кадетский корпус. Сроку тебе до весны. Должен ты по ускоренному курсу основы морской службы усвоить и на чин экзамен сдать, дабы невеждой в Англии не прослыть, поскольку туда ты и отправишься мичманом вместе с другими офицерами, где поступишь на корабль. Должен ты будешь служить примерно, изучая все касательно устройства корабельной службы как на тамошнем флоте заведено, строение самих кораблей, а также приемов батальных и других морских премудростей. Это тебе первое задание. А там видно будет. Ясно тебе? – наставляла императрица.

– Так точно. Только осмелюсь об одной милости попросить.

– Ну изволь.

– Командир полка разрешил мне две недели отпуска по случаю женитьбы сестры моей.

– Хорош ли жених? – осведомилась государыня.

– Матушка благословение дали. Я же его не видал, знаю, что офицер от инфантерии, сестрица к нему благоволит.

– Отца нет выходит? – поинтересовалась императрица.

– Два года как, я поздний ребенок.

– Ну что же, отменить приказ командира гвардейского полка я не в праве, я ведь над измайловцами только шефствую. Посему в отпуск ты поедешь. От купцов подарков ты не принял, так от меня прими, на свадьбу чай собираешься, – сказала она и позвонила в колокольчик.

Явился давешний кабинет-секретарь.

– Выдать сему гвардейцу пятьдесят рублей серебром, – повелела императрица.

Олсуфьев с поклоном молча удалился.

– А вот от меня твоей сестрице, – сказала императрица и сняла с пальца кольцо с камнем.

– Не смею принять такой милости, – покраснев, сказал Плещеев.

– Но, но, тут жеманничать не надо, бери, коли их императорское величество такую милость оказывают, – вступил Чернышев. – После отлучки ко мне явишься в Адмиралтейств-коллегию, и не опаздывать. Бумаги о переводе к тому времени будут готовы.

– На этом все, гвардеец, ступай, – повелительно попрощалась императрица.

– Есть, – Плещеев вышел ни жив ни мертв.

– Куда пошел? – спросил Олсуфьев проходящего мимо юного гвардейца и потряс кошельком.

– Извините, забыл, – смущенно ответил Плещеев.

– Ты сей день запомни на всю жизнь, крепко запомни, не каждого государыня так привечает.

– Не сомневайтесь, этот день в памяти моей до конца дней отпечатается.

– Скажи-ка, предок твой Михаил Андреевич, послание-то доставил? – поинтересовался Олсуфьев.

– А то как же, в лучшем виде, правда страху натерпелся, царь приказал к султану в ноги не падать и к трону не ползти, как у них там принято, ибо Россия ни перед кем на коленях не стоит, думал, изрубят его. Но ничего, в Москву целый и невредимый вернулся.

– Царь-то милостив был?

– Да, имение под Москвой жаловал.

– Вот видишь, предок твой понимал, от кого благодарность и принять можно, а ты, братец, от милости монаршей отказываться вздумал.

– А вы откуда про предка моего знаете, ведь вас при сем разговоре не было?

– Я, милостивый государь, есть кабинет-секретарь, а значит, уши у меня, как у слона, – ответил Олсуфьев и первый раз улыбнулся, – ну, ступай, ступай живо, да кошель спрячь поглубже.

Глава четвертая. Ученик второго класса

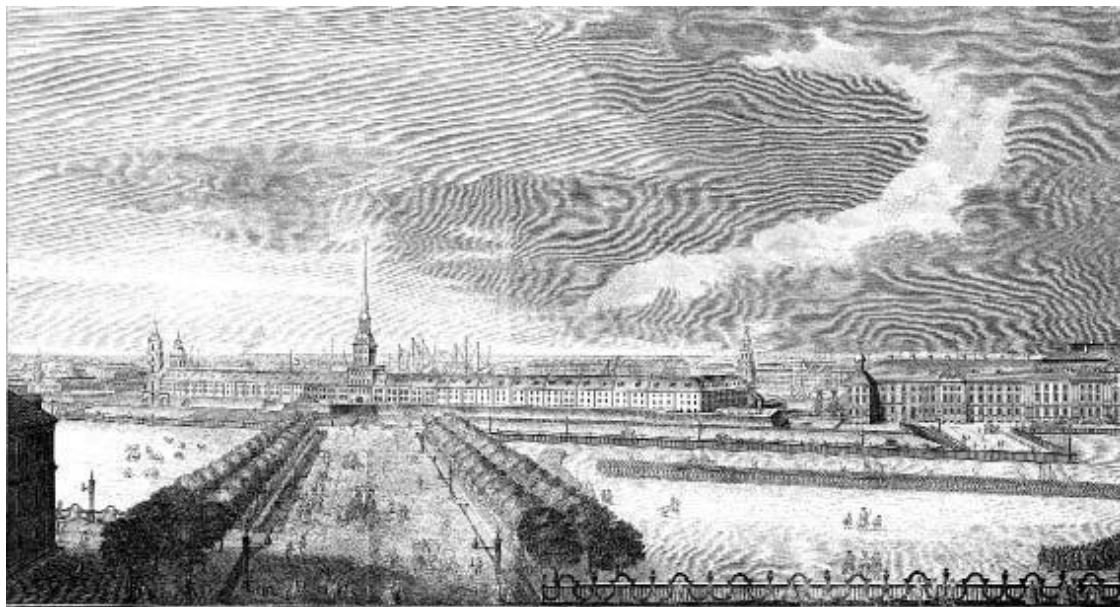
1764 год, октябрь, Санкт-Петербург

Вечером заморосило. Опытный корабельный мастер Потап Качалов, косолапя, словно медведь, не торопясь шел с Адмиралтейской верфи в направлении трактира и думал об одном, как бы не пропить, или хуже того, не потерять полученное сегодня жалованье. Сорокалетний мастер устал за последние дни, но усталость эту ощущал скорее как приятную, потому как «Святой Януарий», несмотря на задержки с материалом, уже принимал вид что ни на есть боевого корабля. Взгляд Качалова упал на юнца, который сидел на досках под днищем старого фрегата, поставленного на стапель для разборки. Ладно скроенный, но несколько сутулый русоволосый парень аппетитно уплетал кусок пирога, рядом стоял маленький бочонок с квасом. Качалов вспомнил, что сегодня ничего толком не ел. Засосало под ложечкой.

– Приятно откусать, – произнес мастер.

– Спасибо, Потап Иванович, кваску не желаете? – бодро спросил юноша, и широкая добродушная улыбка пробежала по его простоватому лицу.

– Благодарствую, что же, кваску испить не помешает. Откуда знаешь меня? – спросил Качалов, не спеша присаживаясь, доски натужно прогнулись под его большим и грузным телом.

Проспект Адмиралтейства и около лежащих строений с частью Невской Перспективной дороги (1750-е гг.). Гравюра М. И. Махаева

– Да кто же вас на верфях не знает?

– Сам кто будешь?

– Касатонов я, зовут Александром. Вы погодите, я сейчас кружку принесу, – живо сказал парень и скрылся в недрах фрегата.

– Ты что же, здесь и живешь?

– Ага, а чего, крыша над головой есть, сена натаскал, хоромы барские, тишина, нет никого, с этого фрегата даже крысы ушли, в городе угол-то снять дорого, о комнате уж и не говорю.

– По какой надобности здесь?

– Послан с Кронштадта для инспекции ластовых судов на предмет починки или разборки оных, вернее, послан мастер Вест, а я при нем. Только он больше в трактире сидит, а я бегаю по судам, третий день тут уже, завтра два плашкоута⁶ осмотрю и обратно.

– Ну и как посудыны?

– Хлам, дай бог пару починить удастся, лишь бы до Кронштадта дошли.

– Это ты сам так определил?

– Конечно, да я уже три года как при сем деле. Сначала мастер Карчебников меня взял, а теперь вот Вест.

– Григорию Петровичу от меня поклон. Как он?

– Хворает после пожара, работать почти не может, вот меня к Весту этому и приставили.

– О мастере сем английском слышал, хороший мастер, только язва, говорят, большая.

– Угу. Все на тебя свалит, ежели все хорошо, то он сам впереди, а ежели нет, то тебя выставит. Но я не жалуюсь, многому у него научился. Только Вест к самой постройке не подпускает, так что я разборкой и починкой занимаюсь. Он по-русски все понимает, но когда сам начинает говорить, никто разобрать не может, а он все палкой своей растолковать норовит, даже пришлось английский подучить, а то больно дерется.

– Нет худа без добра, – философски сказал Качалов и начал набивать трубку. Потом смачно раскурил, явно наслаждаясь табаком.

– Что нынче Кронштадт? – после некоторой паузы спросил мастер.

– Пожгло, оно, конечно, изрядно, однако строится, споро строится, по генеральному плану. Говорят, архитектор Чевакинский сей план составлял. Так что будет лучше прежнего.

– И опять скажу, нет худа без добра, – повторил свою мысль Качалов и одним махом осушил кружку.

– Как тебе сей корабль? – спросил он, указывая на строящийся «Святой Януарий».

– Красавец, шестьдесят шесть орудий, добрый будет вояка, – с завистью ответил Касатонов. – Только я бы немного по-другому строил.

– Ишь ты, – поморщился было Качалов, мол, какой-то недоросль будет ему показывать, как корабли мастерить.

– Нет, правда, к нам тут англичанин заходил, новенький бриг, ладный такой. Побило его штормом, мачту снесло, так мы его в четыре дня поправили. Сейчас, погодите.

Касатонов опять полез в недра фрегата.

– Вот, смотрите, – развернул он чертеж. – Сие есть продольный чертеж того брига, а вот я в проекции изобразил, видите, какие обводы у форштевня сделаны. Видите? – с азартом говорил Касатонов.

– Ну-ка. Толково. Как же ты смог начертить? Англичане бы не дали.

– Правда ваша, не дали бы, но я ногами померил размеры, ходить-то много пришлось, а по памяти все изобразил.

– Молодцом, – невольно вырвалось у мастера, – а сам бы хотел такой корабль строить?

– Конечно, как же не хотеть!

– А где ныне начальник твой?

– В трактире сидит наверняка, сейчас доем пирог и пойду к нему с отчетом.

– С чем пирог-то?

– Да с требухой, хотите?

⁶ Плашкоут – самоходное судно для перевозки грузов на верхней палубе.

– Нет. Вот что, оставь ты свой пирог и веди-ка меня в тот трактир, отужинаем. Ты меня угостил, теперь я тебя угостить желаю, заодно и с Вестом твоим знакомство сведем, потолкуем. Он как вообще, употребляет?

– Охоч, только в кости тонок, надолго его не хватает.

– А до денег жаден?

– Да не то что жаден, но своего не упустит.

– Ну-ну, – задумчиво произнес Качалов. Видимо, в голове его созрел какой-то план, уж больно приглянулся мастеру этот толковый парнишка. – Пойдем, ты только пожитки свои возьми, сегодня у меня переночуешь. У меня места много, и не спорь, я так решил.

– Хорошо, я и не спорю, мигом обернусь.

В трактире было накурено, собирались здесь в основном купцы, шкиперы с торговых судов и мастеровые с верфей. Народ, в общем, солидный, не склонный к возмущениям, однако и здесь случались казусы под влиянием Бахуса. Востроносый сухопарый англичанин лет сорока сидел в углу и аппетитно закусывал.

– Добрый вечер, сэръ, – поздоровался Касатонов, снимая шапку.

– Опаздываешь, – буркнул Вест, не отрываясь от ужина.

– Разрешите представить мастера Качалова.

– О, весьма рад, как поживаете, мистер Качалов? – привстав, поприветствовал англичанин известного мастера, говоря на ломаном русском с тяжелейшим акцентом и пытаясь изобразить при этом улыбку.

– Благодарствуйте, бог милует, – солидно ответил Потап Иванович.

– Не надо особо про себя рассказывать, это у них принято так спрашивать при знакомстве, – подсказал Касатонов на ухо.

– А, ну, ладно, и вам, как говорится, не хворать. Ты переводи лучше, а то он так пищит, что я боюсь, ничего не пойму.

– Ага, я же говорил.

Дальше беседа шла на английском.

– Рад познакомиться, – сказал Качалов и протянул руку, – премного наслышан о вашем мастерстве.

Вест нарочито радостно и оттого неестественно ответил рукопожатием и жестом пригласил присесть к столу.

– О, я тоже видел в Кронштадте ваш фрегат, хорошая работа. Сейчас что-то строите?

– Да строим помаленьку, 66-пушечный корабль.

– Прекрасно.

– Вот что, мистер Вест, пусть пока парень отчитается о делах, а я с трактирщиком потолкую насчет ужина.

– Прекрасно, – повторил Вест.

Касатонов докладывал недолго, при этом было непонятно, нравился этот доклад англичанину или нет. Наконец, кивком головы Вест вроде бы одобрил работу ученика и рассказал о задании на завтрашний день, хотя Александр и так знал, что ему делать.

Вскоре на столе появился штоф и к нему разнообразная закуска.

Александр, смущаясь начальства, засобирался.

– Куда? Мы же договорились, и потом, кто мне переводить будет? – недоуменно спросил Качалов и выразительно посмотрел на Веста, – я угощаю, мистер Вест, всех, – акцентированно добавил он.

Тот оглядел яства, поймал взгляд голодных глаз ученика и разрешительно кивнул.

– Вот это другое дело, – довольно произнес Потап Иванович и буквально силой посадил Касатонина на лавку. – Ну что, мистер Вест, выпьем за знакомство.

Такой оборот дела явно пришелся Весту по душе. Вскоре он уже смеялся и, будучи докой в своем деле, легко рассуждал на любимую корабельную тему.

Качалов не спеша начал подводить к главному.

– А что, много строите нынче? – задал он вроде бы невинный вопрос.

– Нет, нам велено ревизию всех ластовых судов в Кронштадте и Петербурге делать и по возможности в порядок приводить. Людей не хватает. Приходится неучей брать, да что толку, пока руки на место встанут, замучаешься.

– Да! Понимаю, непросто тебе. Даже не знаю, как тебе и помочь? – сочувствовал Качалов.

– Чем тут поможешь?

– А хочешь, я тебе двух учеников пришлю, уже год у меня, чинить могут вполне сносно, а строить им пока рановато будет. Дурь я уже из них выбил, так что не подкачают.

– О, спасибо, это будет хорошо.

– У меня тоже беда, корабел-строитель нужен до зарезу.

– Да, это проблема, – развел руками Вест.

– Ну, давай еще по одной, – предложил Потап Иванович и тут же налил.

Они выпили.

– Может, хотя бы парня отдашь? – невзначай спросил Качалов.

– Какого парня?

– Вот этого, – показал мастер на Касатонова.

– Сашку? Да какой он строитель?

– Ну подучу маленько. Подумай, одного за двоих. Прямая выгода. Я только помочь хочу.

По рукам?

– Твои парни действительно хорошие работники?

– Обижаешь, слово даю, – решительно ответил Потап Иванович.

– По рукам, – прикинув в голове, согласился Вест, – только пусть ревизию закончит.

– Вот и ладно, – удовлетворенно согласился Потап Иванович и налил еще по стопке, но тут перехватил взгляд Александра и несколько застыдился, что, мол, негоже ему перед своим новым учеником в непотребном виде предстать, и еще вспомнил он о своих деньгах, покачал головой и сказал – ну, на посошок, и пора заканчивать, а то завтра дел невпроворот.

За сим трапеза и сделка были завершены ко всеобщему удовольствию, и троица, покачиваясь, разошлась.

С тех пор началась у Александра Касатонова новая жизнь на стапеле учеником второго класса у корабельного мастера Потапа Ивановича Качалова.

И все шло хорошо, пока не объявился на верфи вице-президент Адмиралтейств-коллегии граф Иван Григорьевич Чернышев с небольшой свитой. Прибыл он с инспекцией по ходу работ на вновь строящихся кораблях, заложенных по личному повелению ее императорского величества.

Началась инспекция с того, что графа крепко обматерили. Только Чернышев подошел к «Святому Януарию», как на него сверху упал кусок отпиленного бруса. Граф еле увернулся, невольно вскрикнув.

– Мать вашу... что за ротозеи болтаются на стапеле? – послышался невидимый голос откуда-то сверху. – Касатонов, гони к...

– Так-то ты начальство встречаешь, Потап Иванович, – задрал голову, крикнул граф.

С борта свесился Качалов, весь в стружке, с фуганком в руке.

– Извините, ваше сиятельство, но зашибем же, не ровен час.

– Ладно, не оправдывайся.

– Подняться не желаете?

– Нет, и так вижу, работа кипит, видать, к сроку поспеваете.

– Отчего же к сроку? Вы приглядитесь, минимум на две недели впереди идем.

- Ты бы спустился, поговорить надобно.
- Ладно. У меня тоже разговор к вам имеется.
- Вскоре мастер спустился.
- Вот он я, ваше сиятельство, – сказал Качалов, отряхиваясь от стружки.
- Так что ты хотел, Потап Иванович?
- Скоро верхнюю палубу ладить будем, а палубной доски до сих пор нет.
- Так за тобой никто не поспекает. Ладно, узнаю, что там. Лубянов, запиши, – обратился он к одному из сопровождающих.
- Вот, и еще запиши насчет парусов, шить пора, и с пушками тоже непонятно, про шлюпки тоже узнать надобно.
- Я вчера у мастера Веста был в Кронштадте, он шлюпки на два корабля строит, – ответил Чернышев.
- Сего мастера знаю, так что за шлюпки теперь спокоен.
- А я вот с чем к тебе, Потап Иванович. Пожелала государыня отправить молодых людей на обучение в Европу, да не абы каких, а тех, кто уже при морском деле состоит и языкам обучен. Обратился я к Весту, а он пожаловался, что ты сманил у него лучшего мастерового, да еще и переводчика.
- О как! А он не говорил случайно, что я ему двух своих парней отдал?
- Не было такого.
- Вот шельма!
- Так где твой подмастерье?
- Э, нет, не отдам, хоть режьте, – в сердцах воскликнул Качалов.
- Ну, воле государыни перечить не надо.
- А я и не перечу. Она повелела корабли строить, и сроки мне указаны. Как же я без мастеров волю монаршую исполню?
- Эко завернул. Ладно, никто твоего ученика, покуда, не забирает. Достаивай свои корабли. Время есть. А поговорить с ним надобно.
- Воля ваша, – с досадой буркнул Качалов.
- Эй, Касатонов, – крикнул он куда-то вверх, – спустись-ка.
- Через минуту появился Касатонов.
- Чернышев с удовольствием смотрел на этого широкоплечего, высокого парня, в русых вихрах которого запуталась деревянная стружка.
- Здорово живешь, знаешь, кто я?
- Никак нет, не ведаю.
- Сие есть Адмиралтейств-коллегии вице-президент его сиятельство граф Иван Григорьевич Чернышев, – с пафосом представил своего начальника Лубянов.
- Желая здравствовать. Ну а я корабел Александр Касатонов, – спокойно ответил подмастерье.
- Значит, корабли строить любишь? – спросил Чернышев.
- Люблю.
- А как англичане корабли строят, хочешь узнать?
- Так я знаю, у мастера Веста обучался.
- Я не про то толкую. Я про верфи королевские говорю.
- Как же не хотеть взглянуть, как у них там все устроено. Однако сие есть мечты несбыточные, а вот фрегат на стапеле и есть моя школа.
- Не такие уж они несбыточные. Ну да ладно, пойдем, второй корабль посмотрим. А ты, Касатонов, запомни слова мои.
- Свита направилась к следующему стапелю.
- Это как понимать, Потап Иванович? – недоуменно спросил Касатонов.

– Придет время, узнаешь, – уклончиво ответил Качалов, – иди работать.

Сырая погода стояла уже неделю, вот и этим серым вечером моросило. По набережной Мойки медленно ехала карета, на секунду остановилась, из подворотни выскочил и быстро сел в нее человек в сером плаще, длинный шейный платок и треуголка почти скрывали его лицо.

– Вы много пьете, Лубянов, граф этого не любит, – произнес голос с акцентом.

– Не волнуйтесь, с утра я всегда тверезый.

– Я тоже не люблю, – брезгливо ответил хозяин кареты.

– Промозгло.

– Повод нашли? Перестаньте, как у вас говорят, ваньку валять. Давайте к делу.

– Хорошо, господин Сольмс. Третьего дня инспекцию проводили в Кронштадте, три галеры почти готовы. Вчера проводили инспекцию на Адмиралтейских верфях, там два корабля в шестьдесят шесть пушек споро строят, – бодро докладывал титулярный советник, состоящий при Чернышеве.

– Вы явно этому рады, – язвительно отозвался прусский посланник.

– Как же не радоваться?

– Непостижимый вы народ, русские, как это в вас сочетается, с одной стороны за свой флот радеть, а с другой стороны на иностранную державу работать.

– Одно другому не мешает.

– Вот! Русским не мешает, – рассмеялся Сольмс, – что еще?

– Пушки для этих кораблей уже начинают поступать, на следующей неделе планируется произвести опытный отстрел. Правда, не ведаю, откуда сии пушки и насколько они пригодные. До сих пор прибывали с Липецка, паршивые, дай бог, одна из пятнадцати экзаменацию выдерживала. Нынче с какого-то другого завода привезли.

– Ну, два корабля не флот, тем более без хороших орудий.

– Пока не флот, но это только начало, планы вполне серьезные, Чернышев самолично в Архангельск поедет еще два корабля принимать, потом на Каспий, на Азов офицеров отправляют, даже собираются целую команду корабелов и моряков направить в Англию на обучение.

– Что, в Англию? Много ли, когда? – встревоженно спросил Сольмс.

– Сие держится в секрете, я только краем уха слышал, когда Чернышев на верфи об этом обмолвился.

– Все разузнать незамедлительно, в подробностях, – строго повелел Сольмс.

– Трудновато будет, поднести надо кое-кому, – с намеком сказал чиновник.

– Вот тебе, – Сольмс небрежно бросил кошелек, – здесь на все хватит. Теперь иди, встретимся как обычно, и чтобы в следующий раз духа винного я от тебя не чуял, не переносу.

– Слушаюсь, – сказал Лубянов и покинул карету.

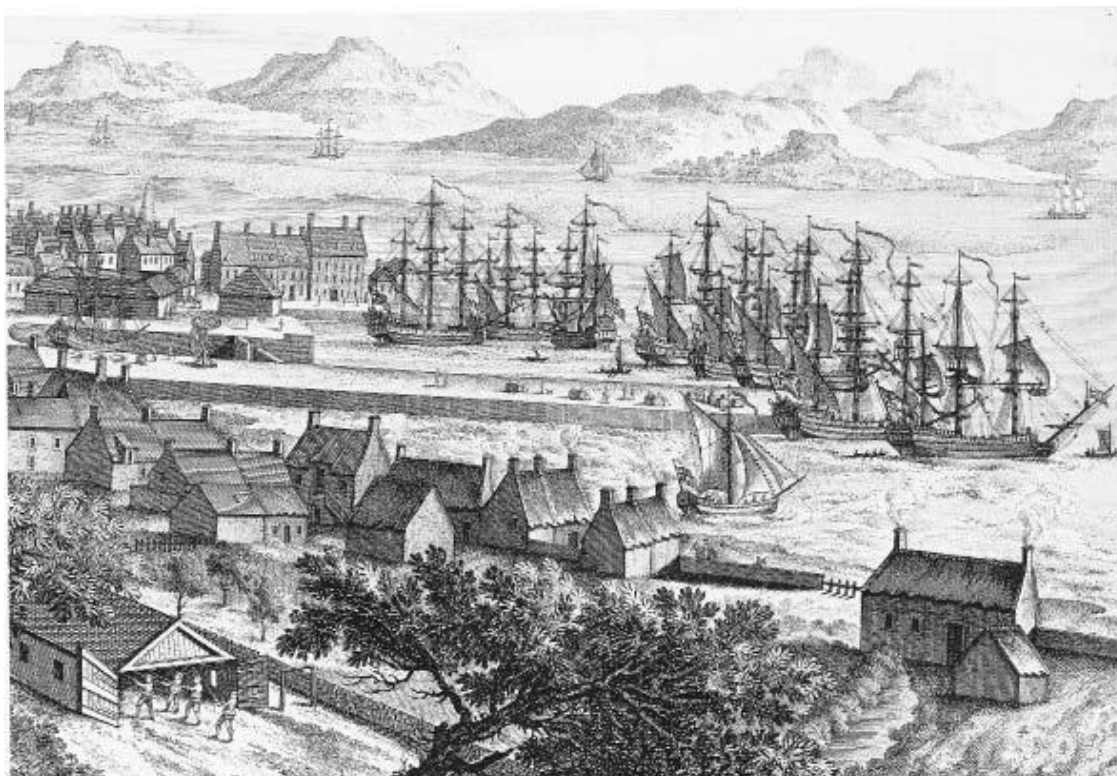
«Не переносит он, сам-то выпить, небось, не дурак», – буркнул он себе под нос и направился к ближайшему трактиру.

Прусский посол в России граф Сольмс-Зонненвальдский из доклада своего агента понял главное: Екатерина всерьез взялась за обновление флота, а это есть вопрос геополитических притязаний Российской империи.

Глава пятая. «Гермес»

1765 год, август, Глазго

Молодой человек, облаченный в белый мундир с зелеными обшлагами, при шпаге и с небольшим саквояжем шел вдоль пирса в порту Глазго и явно что-то искал. Едва рассвело, и в столь ранний час спросить толком было не у кого, только пара пьяных матросов невнятной походкой плелись куда-то, да какая-то карета, на облучке которой никто не сидел, без дела стояла на пирсе. Наконец, юноша, кажется, увидел цель своего поиска и буквально застыл в изумлении. Трехмачтовый красавец корабль предстал перед ним, постепенно появляясь из рассеивающегося утреннего тумана. Его плавные обводы просто завораживали своими совершенными линиями, на носу под бушпритом красовалась фигура в виде мужчины с обнаженным торсом и крылатым позолоченным шлемом на голове. Покоренный красотой фрегата, Плещеев с восхищением рассматривал его от форштевня до клотиков мачт и так задрал голову, что треуголка чуть не свалилась.

Вид порта Глазго (1760 г.). Неизв. художник

– Нравится? – спросил кто-то за спиной.

– Да, очень, – восхищенно ответил Плещеев и обернулся. Перед ним стоял с лоском одетый морской офицер, возрастом за тридцать, был он высок, сухощав, узкое лицо его выглядело благородно, высокий лоб и ясный взгляд выдавали в нем человека умного.

– У вас необычный мундир, похож на австрийский, – произнес англичанин, с интересом разглядывая незнакомца.

– Никак нет, я мичман российского флота.

– Ах вот в чем дело, подозреваю, что это вас прислали на мой корабль, я, честно говоря, подумал, что это шутка, и хотел было уже сняться с якоря, никого не дожидаясь, курьеры из Адмиралтейства иногда привозят депеши, которые кроме грустного смеха ничего не вызывают.

– Так точно, мичман Сергей Плещеев, откомандирован для службы на фрегате «Гермес», – отрапортовал молодой офицер.

– Разрешите представиться, Самуэль Крейг, капитан этого корабля, надеюсь обрести в вашем лице толкового моряка. Прошу на борт.

Плещеев отдал честь и достал из-за обшлага свои документы.

– Мичман, офицер по случаю прибытия представляется на корабле, не правда ли? Или на русском флоте заведены другие порядки? – с ехидцей спросил Крейг.

– Никак нет, сэр! Порядки те же самые. Офицер по прибытии представляется командиру на борту корабля! – выкатив грудь по стойке смирно, выпалил Плещеев.

– Тогда, мичман, уберите до поры бумаги и взойдем на борт, – слегка поморщившись, но с легкой улыбкой предложил Крейг.

В это время засвистели боцманские дудки, затопали матросские башмаки, команда становилась на палубе, у трапа выстроился офицерский состав.

Протяжно прозвучала команда: «Капитан на корабле».

В полной тишине, вытянувшись в струнку, экипаж ожидал своего капитана, офицеры взяли «под козырек».

Крейг, не торопясь, с достоинством, восходил по трапу, за ним семенил Плещеев.

Поднимаясь, он удивился странному изваянию в виде абсолютно белой кошки, сидящей рядом с трапом прямо на фальшборте.

Первый лейтенант отчеканил рапорт о наличии экипажа и происшествиях на борту.

– Флаг поднять! – скомандовал Крейг.

После того как «Юнион Джек» затрепетал на ветру, капитан продолжил:

– Личным указом его королевского величества на наш славный корабль для прохождения службы прислан русский офицер мистер Плещеев. «Гермес» выбран из числа многих кораблей как образцовый, дабы у иностранных офицеров не сложилось негативного мнения о королевском флоте. Мичман будет служить наравне с прочими членами команды, исполняя те обязанности, которые будут мною на него возложены. Как следует из рапорта первого лейтенанта, мичман Доусон вынужден остаться на берегу. Вахтенному офицеру проводить мичмана на место Доусона. Вольно, команде завтракать. После завтрака – ревизия корабля к выходу и с якоря сниматься. Первому лейтенанту прибыть ко мне через пять минут, мичману Плещееву ожидать на шканцах.

Плещеев взглянул на борт у трапа, белое изваяние исчезло.

В капитанской каюте приятно пахло кофе.

– К выходу все готово? – поинтересовался Крейг.

– Так точно, капитан. Последние припасы загрузили еще вчера, – ответил первый лейтенант Фергюссон.

– Порох, ядра?

– Полный запас.

– Хорошо, ну, Фергюссон, что будем делать с этим русским? – задался вопросом капитан. – Не можем же мы поставить его простым матросом. Свалится еще с марса⁷, отвечай потом перед монархами, но и возить пассажира я не намерен.

– Мы не знаем его умений, – ответил Фергюссон и прихлебнул кофе. – Надо поговорить с ним.

– Вот его аттестации, – капитан протянул папку с документами.

⁷ Марс – площадка на топе мачты.

Фергюссон на некоторое время углубился в чтение. Внешне он представлял полную противоположность своему капитану, выглядел лет на восемь старше, небольшого роста, крепко скроенный, коренастый, старший помощник и фигурой, и своим лицом напоминал английского бульдога. Отличный моряк, он был искренне предан своему кораблю и капитану.

– Что же, аттестации неплохие, однако вы прекрасно знаете цену бумаге, – произнес Фергюссон, подняв голову.

– Согласен.

– Почему он вообще направлен к нам? – задался вопросом первый лейтенант.

– По всей видимости, у русских нехватка морских кадров, а король шведский Адольф весьма воинственен. Печальная судьба Карла Двенадцатого его ничему не научила. Грезит реваншем. Екатерина, видимо, это осознает и готовится. Боюсь, наш славный Адольф добьет шведского мужичка окончательно. Да и турки русским покоя не дадут. А что там с Доусоном, что за болезнь так внезапно постигла его?

– Он сломал ногу, пришлось отправить его к семейству на излечение.

– Как это случилось?

– Глупо, как это обычно бывает. Три дня назад поскользнулся на трапе.

– Пьян?

– Как всегда.

– То есть первым взводом командовать некому?

– Вы что, хотите поставить мальчишку командовать морскими пехотинцами, этими рыжими детинами из абордажной команды? С ними только Доусон и мог справиться.

– Этот малый служил в лейб-гвардии, в русской лейб-гвардии, – со значением сказал Крейг.

– Капитан, я не знаю, что такое русская гвардия. Никогда не сталкивался.

– Вам крупно повезло. Они свергают монархов и возводят на престол новых с превеликой легкостью. Две последние русские королевы стали таковыми, благодаря именно гвардии. Ко всему, мне довелось общаться с одним прусским офицером, при упоминании Измайловского полка с ним случилась истерика. Он пережил штыковую атаку русских гренадер и в красках описал мне это неизгладимое в его чувствах событие. Со страху он наверняка многое преувеличил, но все равно впечатляет. Однако вы правы, Фергюссон, мы ничего не знаем об этом мичмане, кроме того, что в Королевской военно-морской академии он точно не обучался и экзамен в Тринити-хаус⁸ не сдавал. Поставьте его для начала на предполуденную вахту. Пусть с утра поруководит палубной командой под вашим присмотром, а море покажет. Вот еще что, не селите его в мичманский кубрик, пусть займет место Доусона.

– Есть, капитан.

– Теперь же подключите его к ревизии корабля. Пусть изучает. Что с пополнением?

– Удалось нанять двух шотландских ребят из «ординарных»⁹, марсовый и канонир, и еще один «эйбл»¹⁰ помощник тиммермана¹¹, говорит, и косторезом быть доводилось, лекарю в помощь. Так что у нас практически комплект, если не считать Доусона.

– Да, это, несомненно, потеря, хотя его вечно пьяная рожа мне порядком надоела. А что с «пудренными обезьянками»¹²?

– С этим плохо. Раньше валом из дома сбегали, а теперь и не сыскать, маменькины сынки.

– А вы говорите, комплект. Что в бою делать будем?

⁸ Тринити-хаус (Trinityhouse) – британская лоцманская корпорация.

⁹ Ordinaryseaman – моряк с опытом от 1 до 3 лет.

¹⁰ Ableseaman – моряк с опытом плавания от 3 лет.

¹¹ Тиммерман (timmerman) – судовой плотник.

¹² Пудренная обезьянка (powderboy) – юнга, доставляющий картузы с порохом (пудрой) к оружию во время боя.

– Справимся, не волнуйтесь, есть несколько ловких лендсманов¹³, боцман их поднатаскает.

– Ладно, позовите мичмана.

– Как его позвать, он же русский? – недоуменно спросил Фергюссон.

– Он прекрасно изъясняется на английском, причем с шотландским выговором, что даже странно.

– Как, вы говорите, его зовут?

– Сергей Плещеев, – мучительно выговорил капитан.

Вскоре Фергюссон явился вместе с русским офицером.

– Итак, мичман, с моим первым лейтенантом мистером Фергюссоном, надеюсь, вы уже познакомились. Мне необходимо сообщить вам некую информацию и задать несколько вопросов, далее вам покажут корабль. Вот еще что, команда у нас крепко сбита и добиться ее уважения не так просто. Нам ваше имя трудно выговорить, и матросы наверняка переименуют его на свой манер или дадут вам прозвище. Не обижайтесь, оно есть у всех, даже у меня. Однако насколько оно будет уважительным, зависит от вас. Нижним чинам надо давать как можно меньше поводов для шуток. Эти бестии остры на язык, но с фантазией у них слабовато, так что, бьюсь об заклад, вас будут называть просто «русский», вопрос, с какой интонацией.

– Сколько ставите? – неожиданно спросил Плещеев.

– Вы о чем?

– Вы сказали, что бьетесь об заклад. Я готов поставить фунт на то, что прозвище будет иным.

– Однако! – с некоторым удивлением произнес Крейг. – Это даже интересно, что же, мичман, я принимаю пари. Но вернемся к нашему «Гермесу», вы находитесь на борту легкого фрегата, который, скажем так, действует в британских интересах, о чем говорит специальный королевский патент, выданный лично капитану данного корабля, то есть мне. Какие конкретно операции мы проводим, вы узнаете по ходу нашего плавания. Хотя «Гермес» формально и не входит в состав королевских военно-морских сил Британии, тем не менее корабль наш является боевым и порядки у нас заведены соответствующие, правда с весьма существенными отличиями, о чем вы также узнаете в процессе службы. Сказать честно, пока вы для нас полная загадка. Дело в том, что на борт нашего корабля просто так не попадают. В отличие от других, нам не приходится спаивать юнцов по кабакам, с тем чтобы они подписали кабальный контракт. К нам идут сами, и это мы выбираем членов команды, поскольку у «Гермеса» есть определенная репутация, к тому же служить у нас выгодно. Однако за вас просит сам король, и мы не смеем отказать.

– Так вы служили в гвардии? – вступил в разговор Фергюссон.

– Так точно.

– Где же располагается ваш полк? – спросил Фергюссон.

– В Санкт-Петербурге.

– А разве служба на флоте престижнее гвардии? – продолжил расспросы первый лейтенант.

– Никак нет. Скорее, наоборот.

– Отчего вы тогда поменяли гвардейский мундир и службу в столице на морскую, упуская возможность сделать блестящую карьеру? – задал вопрос капитан.

– Русские дворяне не вольны выбирать место службы. Королеве Екатерине понадобились морские офицеры, а как известно, самая лучшая учеба это практика, а лучшая практика это плавание на английском корабле.

¹³ Лендсман (landsman) – сухопутный человек, только поступивший на морскую службу.

– Такая причина мне по душе, а то мы, грешным делом, подумали, что вы романтик моря. Никакой романтики нет. Есть каторжный труд, плохая еда, затхлая вода, выматывающая качка и вражеские пушки, а несовместимую с жизнью травму вы можете получить, просто неудачно сходяв в галюн. И только тот, кто, проболтавшись в море с полгода в таких условиях и не испустив дух, сначала бежит на берег, проклиная море и службу, но через месяц, сам не понимая какого дьявола, опять идет под парусом навстречу неизвестности, тот наш человек, – разразился тирадой Крейг.

– Скажите, вам знакомы такие вещи, как компас, лаг¹⁴, астролыбия¹⁵? – спросил Фергюссон.

– Так точно, я изучал навигацию и приборы.

– Можете произвести обсервацию¹⁶, проложить курс? – продолжил первый лейтенант.

– Теоретически да, сэр.

– Что значит теоретически? – задал вопрос Крейг.

– Мало практики.

– Ориентироваться по звездам можете? – спросил уже Фергюссон.

– Летом у нас не видно звезд. Очень светло. И еще у нас всегда пасмурно, часто туман, а в море мы выходили всего четыре раза.

– В бою были? – поинтересовался капитан.

– Так точно.

– Людьями командовали? – продолжил капитан.

– Так точно, неоднократно, взводом гренадер, а потом абордажной и вахтенной командой на кораблях.

– То есть вахту стояли?

– Так точно.

– Понятно. Хорошо, мичман. Отправляйтесь с Фергюссоном.

– Есть, сэр.

– Называйте меня просто капитан.

– Есть называть капитан.

Выйдя на палубу, офицеры наткнулись на пожилого, но еще вполне крепкого боцмана, в морщинах и бакенбардах которого, казалось, скопилась морская соль всех морей и океанов. Боцман растолковывал новобранцам, что к чему.

– Так, на палубе не мочиться, мы не лягушатники. Сейчас пойдем в кубрик, у нас две койки на каждого, на одной спать, другую проветривать. У лягушатников одна на двоих, вот и вшивые все.

– Надо же, две койки на одного, – удивился Плещеев.

– Наш капитан не устает повторять, что основные потери в личном составе происходят вовсе не вследствие боевых действий или травм. Главные проблемы – еда, вода и личная чистоплотность. Я с ним вполне согласен. Поэтому у нас работает горячий камбуз и койка проветривается каждый день, – отвечивал Фергюссон.

– Горячее питание? Я думал, что горячие камбузы предусмотрены только на линейных кораблях. Для столь небольшого судна велика опасность пожара.

– Наш «Гермес» необычен, и в этом вы еще не раз убедитесь. Это относится и к устройству камбуза. Однако не все сразу. Пойдемте на кокпит¹⁷ к офицерским каютам.

¹⁴ Прибор для определения скорости судна.

¹⁵ Прибор для определения географической широты и долготы.

¹⁶ Обсервация – определение местоположения судна.

¹⁷ Кокпит – на парусных военных кораблях так называлась кормовая часть самой нижней палубы, где обычно помещались гардемарины.

Тут Плещеев чуть не наступил на мертвых крыс, которые аккуратной шеренгой лежали на палубе. Рядом сидело давешнее белое существо. Неестественно голубые и холодные глаза животного пугающе разумным взглядом рассматривали Плещеева. Потом кошка подошла к мичману, слегка потерлась о его ногу, после чего села в той же позе.

– Ну вот, вас поместили, теперь вы свой, – сказал Фергюссон. – Знакомьтесь, это наша единственная дама на корабле, зовут ее Блонди. Она поймала пару крыс и теперь ждет свой законный завтрак. Блонди у нас аристократка и брезгует крысятиной.

– Блонди, ты молодец. Можешь пойти на камбуз, тебя покормят. Скажи, что я приказал, только будь любезна выбросить свою добычу за борт, – на полном серьезе обратился Фергюссон к животному.

Плещеев было рассмеялся, но кошка действительно скинула крыс за борт и отправилась в сторону камбуза.

– Я ничего подобного не видел, – с удивлением произнес Плещеев.

– Это норвежская кошка, она чрезвычайно умна и настоящий боец. Как-то, будучи в Стокгольме, капитан отбил ее у двух здоровенных портовых псов. Как она оказалась в шведском порту, никто не знает. Капитан рассказывал, что одна из собак потеряла в той драке глаз. Кошка тоже получила ранение, Крейг выходил ее и взял на борт, Блонди прижилась, поскольку в отличие от большинства сородичей хорошо переносит качку. С тех пор поголовье крыс у нас изрядно сократилось, так что Блонди полноправный член команды, прошу с ней не фамильярничать, она этого терпеть не может, а когти у нее большие и весьма острые.

Офицеры проследовали дальше вдоль борта.

– Это ваша каюта, а вот и сосед, лейтенант Скотт, он отсыпается после полуночной вахты. Надеюсь, вы найдете общий язык, – сказал Фергюссон, открывая дверь в одно из помещений. – Располагайтесь, завтрак через двадцать минут. Опаздывать у нас не принято. После отправитесь со мной, будем проверять приготовление корабля к выходу. Потом отдохните. Ваша вахта завтра начинается в восемь утра, так что советую хорошенько выспаться.

За завтраком мичман был еще раз представлен офицерскому составу. Всего на корабле служило двенадцать офицеров. Встретили его приветливо-сдержанно. Плещеев ничего другого и не ожидал.

После завтрака Фергюссон и Плещеев в сопровождении боцмана отправились с ревизией. Осматривался общий порядок в кубриках, надежность крепления коек, рундуков, груза в трюмах, пушек на оружейной палубе, ружей. Попутно старший помощник рассказывал о корабле. Особо тщательно досмотру подверглась крюйт-камера. У входа в нее стоял босой часовой, за поясом у него торчал здоровенный тесак. Офицеры сняли шпаги и разулись. Только после этого часовой зажег специальный закрытый стеклом светильник и открыл массивную деревянную дверь, обитую медью. В крюйт-камере не было иллюминаторов, в тусклом свете Плещеев увидел деревянную ванну для приготовления пороховых зарядов, ядра в клетях и надежно принайтованные¹⁸бочонки с порохом.

– Грант, метлу заменить, – строго приказал Фергюссон, – этой не то что порох, стружку не подметешь.

– Есть, – коротко ответил боцман.

Наконец, сделав еще несколько замечаний, первый лейтенант закончил обход и отправился с докладом к капитану.

Вскоре со шканцев¹⁹прозвучала команда: «По местам к выходу стоять! Трап прибрать! Отдать швартовы! С богом!».

¹⁸ Принайтовать – закрепить канатом.

¹⁹ Шканцы – помост или палуба в кормовой части парусного судна, где находились вахтенные офицеры и устанавливались компасы. Шканцы считались на корабле почетным местом; там зачитывались перед строем законы, манифесты, приказы, приговоры.

– С богом! – эхом отозвалась команда.

К возвращению Плещеева Скотт уже проснулся, но его слегка помятое лицо и всклокоченные волосы говорили о том, что это произошло совсем недавно. Еще заспанным взглядом он с удивлением уставился на офицера в неизвестной форме.

– Черт подери, нас что, взяли на абордаж, пока я отсыпался? Ох, эти ночные вахты меня доконают.

– Никак нет, лейтенант, с кораблем все в порядке. Разрешите представиться, мичман Плещеев, назначен на «Гермес» для прохождения службы.

– Плещеев? Как поживаете, мистер Плещеев? Что за фамилия, что за форма, вы откуда?

– Из России, сэр.

– Я все еще сплю?

– Никак нет.

– Тогда доброе утро, я лейтенант Скотт, и сейчас мы выпьем немного виски и много кофе, и вы расскажете мне, каким ветром русского мичмана занесло на наш фрегат. Эй, Джонс, где ты, бездельник?

Дверь в каюты открылась.

– Я у каюты, как положено, дожидаясь ваших приказаний, – пробурчал небольшого роста совсем молодой рыжеволосый матрос.

– Каких приказаний, Джонс? Ты же знаешь, что без кофе я с утра ни черта не соображаю.

– Намек понял, сей секунд.

– Намек он понял, вот пройдоха, с этими кают-юнгками одна беда, – растирая виски и слегка поморщившись, пробурчал Скотт.

Глава шестая. Мичман Раш

1765 год, август, Атлантический океан

Солнечным утром фрегат, наполнив паруса свежим ветром, буквально понесся к берегам далекой Америки.

Ровно в восемь безукоризненно выглядевший молодой офицер доложил капитану на мостике и принял вахту. Первым делом взгляд его упал на палубную команду, занимающуюся приборкой. Здоровенные парни лениво елозили швабрами и не спеша чистили медь.

– Боцман, – позвал Плещеев.

– Это что за сборище беременных коров? – спросил офицер, когда тот явился.

– Сэр, ребята немного расслабились. После берега всегда так. Через недельку войдут в норму.

– Мне порядок нужен не через неделю, а сейчас! – сверкнув глазами, отрезал Плещеев, и отправился на палубу.

Буквально вся команда, включая капитана, следила за происходящим. Всем было интересно, как поведет себя новичок.

Плещеев встал над двумя верзилами из взвода морской пехоты, которые, полулежа, чистили медь, и стал молча сверлить их взглядом.

– Как думаешь, Шон, этот сосунок хочет наделать в нас дырок? – обратился один из матросов к своему товарищу на шотландском, будучи в полной уверенности, что русский его не поймет.

– Нет, он думает, что этот, как ему кажется, «свирепый взгляд» ускорит нашу работу, – осканился другой матрос.

– А ну, встать! Я вам покажу, «сосунок»! – неожиданно гаркнул офицер на шотландском и добавил пару крепких шотландских же выражений, чем поверг в изумление всех.

– Боцман, построить палубную команду! – выкрикнул он уже по-английски.

Вскоре матросы стояли по струнке.

– Вы что же, решили, что корабль может тонуть в грязи, пока вы не отошли от береговой лени и от девок, которые прибирали за вами?

Дальше пошла эмоциональная тирада на русском языке.

– Вы все поняли, бездельники, или мне перевести этот краткий спич о ваших достоинствах и достоинствах ваших родственников? Впрочем, должны были понять и так, а кто не понял, может отправиться прогуляться под килем для прочистки мозгов.

– Так перевести? – после некоторой паузы грозно спросил вахтенный офицер.

Ответом стала гробовая тишина.

– Извините, сэр, – спросили из шеренги притихшим голосом, – это был русский мат?

– Нет, это еще только прелюдия к русскому мату. Марш работать, и чтобы через час все блестело, как..! После приборки займемся стрельбой, посмотрим, какие из вас Робин Гуды.

– Bravo! – тихо воскликнул Крейг и тут же громогласно объявил, что теперь мичман командует взводом Доусона.

После ланча Плещеев действительно устроил проверку на меткость. Он велел вынести на палубу ружья и лично проверил каждое из них.

– Чье ружье? – с ледяным спокойствием, не предвещавшим ничего хорошего, прошипел он.

Все молчали.

– У нас нет персональных ружей, сэр! – наконец, ответил сержант Лоусон.

– Ах, вот как, отсюда полная безответственность и грязные стволы. И потом, как же вы управляетесь? У каждого ружья свой бой и к этому нужно приноровиться, в баталии на это времени нет, а каждый промах это шаг к поражению.

– Сэр, мы обязаны точно бить из любого ружья.

– Что же, заряжайте, – приказал Плещеев и обратился уже к боцману, – пошлите двух марсовых на грота-рей²⁰, привяжите доску так, чтобы она выходила за край рея, и приделайте что-нибудь к доске на коротком лине, ведро или бочонок с песком.

– Есть, сэр, – заинтригованно ответил боцман.

Тем временем Плещеев взял одно из ружей, тщательно прочистил его и собственноручно зарядил, после чего несколько раз приложил его к плечу, при этом по-разному расставляя ноги, как бы принаравливаясь к качающейся палубе.

Когда приготовления были закончены, он выстроил своих подчиненных.

– Итак, джентльмены, покажите свою меткость, – с этими словами мичман пригласительным жестом указал на покачивающуюся мишень.

Ружейные выстрелы отогнали испуганных чаек.

– Что ж, неплохо, неплохо, целых четыре попадания. Если учесть, что добрая половина ружей скверно чищена, так и совсем хорошо, – ехидно констатировал офицер. – Я слышал, что корабль ваш не прогулочная яхта и бывает в переделках, а вы изволите называться стрелками. У меня только один вопрос, как вы еще остались целы с такой феноменальной меткостью? Объяснений вижу только два, во-первых, команды противника, с коим вы до сих пор встречались, состояли из таких же разгильдяев, как и вы, во-вторых, канониры сего славного фрегата стреляют куда как лучше, а вы выезжаете за их счет.

Плещеев сурово смотрел на выстроившуюся во фронт команду.

– Я прямо чувствую, как ваши дурные языки так и ворочаются в глотках и, еле сдерживаясь, хотят выскочить, чтобы брякнуть что-то типа, мол, сам-то на что горазд. Что же, извольте.

Мичман поднял ружье, моментально прицелился и попал в цель.

– Два ноль в пользу русского, – весело произнес капитан, наблюдавший за происходящим со шканцев. Было забавно смотреть, как щуплый мичман «приводит в чувство» шотландских голиафов.

– Смирно, равнение на середину. Итак, за каждым отныне будет закреплено равное количество ружей. Занятия по стрельбе будут проходить ежедневно. Вольно, чистить весь арсенал, через четыре склянки проверю лично, – тоном, не терпящим возражений, приказал мичман.

Вечером офицерский состав явился в кают-компанию с блокнотами, дабы записать столь действенные слова. И вообще, лед между офицерами и новичком как-то сразу растаял. Посыпались многочисленные вопросы про таинственную далекую Россию.

Плещеев отвечал как мог, хотя чувствовал себя неважно, поскольку день этот дался с трудом, да и качка уже напоминала о себе.

В это время в кают-компанию появился капитан.

– Что же, вот ваш фунт, мичман, вы выиграли пари, – обратился он к Плещееву, но так, чтобы слышали все. – Разведка доложила, что вы действительно не «Russian», вы «Rush». Кроме того, отныне вы поставлены в вахтенное расписание наравне с остальными офицерами. Посему, мичман, приказываю вам отдыхать, у вас впереди ночная вахта.

– Есть, капитан. Только я тоже хочу дать маленькое объявление. Господа офицеры, я знаю, что мое имя звучит для вас весьма непривычно и произносить его трудно, хотя вы и стараетесь. Отныне официально прошу называть меня мичман Раш. Честь имею, господа, – с этим словами русский офицер покинул кают-компанию под одобрительный гул.

– Еще очко в пользу русского, – констатировал капитан Крейг.

²⁰ Грота-рей – нижний рей на грот-мачте.

Плещеев быстро вошел в ритм службы. Рутинная корабельная работа не оставляла много свободного времени. «Гермес» тем временем шел своим курсом. Удачно преодолев несколько штормов, фрегат появился в виду острова Ньюфаундленд, после чего поднялся к северу. Затем, огибая полуостров Лабрадор, спустился вниз, заглянул в Гудзонов пролив, потом двинулся южнее, к Багамским островам, где принял воду и свежую провизию, и после недельной стоянки отправился в Карибское море, но потом опять повернул на север, двигаясь вдоль восточного побережья Северной Америки. Так продолжалось довольно долго, Плещеев тем временем муштровал свой взвод и впитывал морские премудрости. Несколько раз «Гермес» преследовал показавшиеся на горизонте паруса, но быстро прекращал погоню, видимо, те корабли не представляли интереса.

Как-то вечером в офицерской каюте завязался разговор.

– Послушайте, Скотт, я не понимаю, почему мы бесцельно рыскаем туда-сюда? – задался вопросом Плещеев.

– Нет, Раш, мы не рыскаем, мы крейсируем. Официально так называемая Славная война закончилась, лилии капитулировали. Британский лев наложил свою лапу на Америку, но колонисты из числа французов грезят реваншем. Франция старается подпитывать эти настроения соответствующими поставками. Мы – арматоры, каперы, свободные охотники за судами врагов Британской империи, что, собственно, и подтверждает королевский патент, выданный нашему капитану. Так что действуем мы вполне легально, ну, с точки зрения короля Георга, конечно. Часть добычи достается команде. Крейг слывет удачливым капитаном, вот почему к нам рвутся морские бродяги со всей Британии. Однако, Раш, расскажите мне лучше про Россию, вы видели королеву Екатерину?

– Видел, два раза.

– Она говорила с вами?

– Да.

– И какова она?

– Она величественна, как и должно государыне, но в то же время проста в общении.

Более ничего сказать не могу, у нас не принято обсуждать императрицу.

– Говорят, в России все время зима и лежит снег. Это правда?

– Извините, Скотт, мне надо поспать, вахта через четыре часа.

– Ладно, у меня тоже очередная послеполуночная воспитательная вахта.

– Что значит «воспитательная»?

– Как-нибудь потом расскажу. И все же, что насчет снега?

– Это неправда. Россия огромна. Где-то вечная мерзлота, а где-то растут арбузы.

– Хотел бы я посмотреть.

– Не вы один. У нас служат многие из Европы. Спокойной ночи, Скотт.

Глава седьмая. Горячее дело

1765 год, октябрь, Атлантический океан

Через день около пополудни раздался крик впередсмотрящего.

– Парус на зюйд-ост.

– Глазастый, черт, – воскликнул Крейг, глядя в подзорную трубу. – Что скажете, Фергюссон?

– Хорошо вооруженный купец, сидит очень низко, ишь, как переваливается, значит, загружен под завязку.

– Наш купец, по всей видимости, француз. Обратите внимание на два характерных маленьких кливера.

– Верный признак, капитан.

– И каков характер груза, по вашему мнению?

– Курс он держит на Канаду и, возможно, везет оружие, что запрещено.

– Вот и проверим, Фергюссон. Тревога! Идти на сближение! Определить принадлежность судна!

Беспокойно заверещали боцманские дудки, «Гермес» быстро нагонял неизвестное судно.

– Флаг французский! – закричало сразу несколько голосов.

– Поднять сигналы «лечь в дрейф», «судно к досмотру».

В ответ прогремел выстрел.

– Ну что же, мсье сдаваться не желают. К бою! По местам стоять! Брать на абордаж! – скомандовал капитан. – Поднять «Веселого Роджера», показать флаг неприятелю. Мичмана Раша на мостик.

– Мы что, пираты? – озадаченно спросил подбежавший Плещеев.

– Нет, Раш, для знающих людей череп с костями на черном фоне не так уж кровожаден, он только показывает, что нам нужен груз, а не корабль. Ну что, сударь, пора принимать боевое крещение, – весело крикнул капитан Плещееву. – Это француз, мы атакуем. Итак, мичман, у нас нет цели потопить неприятеля. Нужно взять приз, поэтому обездвижим судно и возьмем его на абордаж. Ваша задача – со своим взводом поддержать абордажную команду метким огнем и предотвратить контр-абордаж, что тоже бывает. Как будете действовать?

– Расположу стрелков за укрытиями. Самые меткие братья МакЛарены, а также Дуглас, Мюррей, Чисхолм и МакКол. Им по несколько заряженных ружей. МакБина, Бенкса, О'Нила и Джонса поставлю заряжающими, стрелки они так себе.

– Толково. Командуйте. Только поставьте людей за канатами и свернутыми койками. Ни в коем случае не рядом с деревянными частями. Ядра превращают древесину в щепу, это хуже любого осколка, – распорядился Крейг, отметив про себя, что мичман не только знает своих подопечных по именам, но и успел их неплохо изучить.

– Есть, капитан.

– Фергюссон! Где кок с его хозяйством? Черт его раздери! – гаркнул капитан.

Через секунду на верхней палубе появился корабельный повар с двумя ведрами. В одном был песок, а в другом теплый уксус, который парил с характерным запахом.

– Это зачем? – недоуменно спросил Плещеев, пробегая мимо ведер.

– Мальчишка, – буркнул видавший виды кок Бернс, – кровь скользкая, а кровь скоро будет.

Плещеева поразила тишина, которая вскоре воцарилась на фрегате, и только такелаж слегка поскрипывал на волне. Никто не бегал, не суетился. Каждый занял свое место, каждый знал, что ему делать. Хищник изготовился к прыжку.

«Гермес» шел почти перпендикулярно курсу неприятеля навстречу ему. Громыхнули первые выстрелы с француза. Англичанин не отвечал, его громада стремительно выростала перед купцом.

– Погонные, пли! – наконец скомандовал капитан.

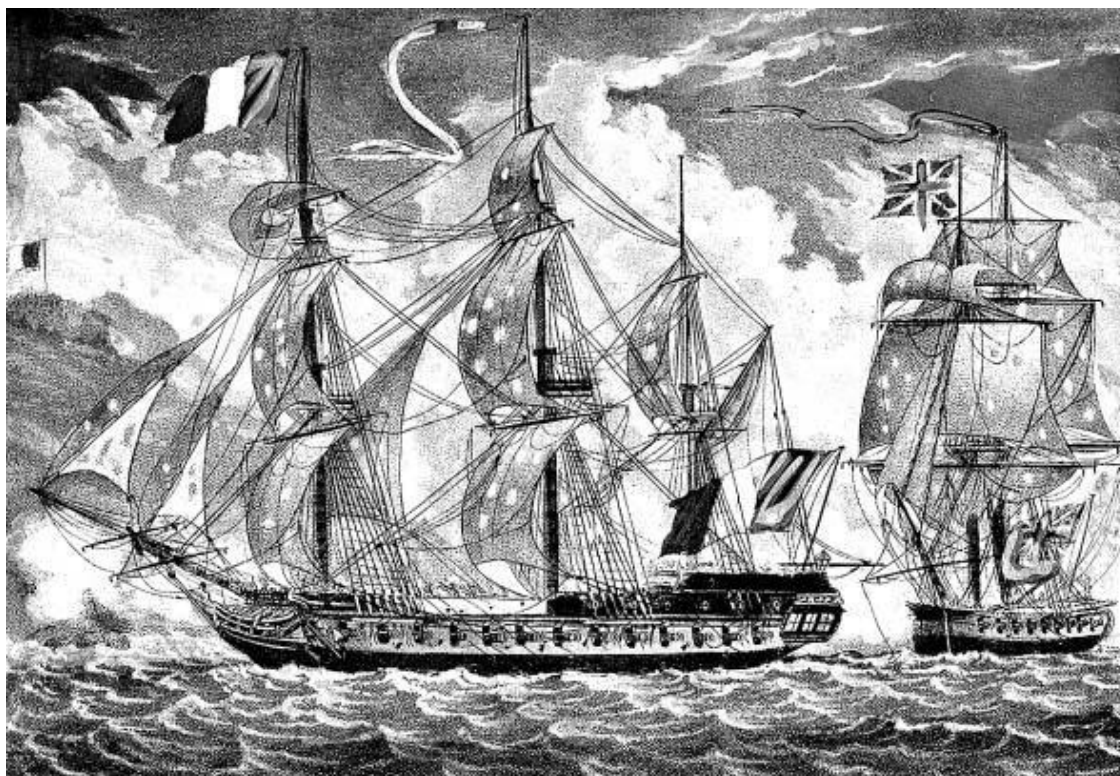
Книппели со страшным грохотом вылетели из жерл носовых орудий, разделились в воздухе на две части, скованные цепью. Один из этих чугунных бумерангов врезался в паруса грот-мачты, порвав их в клочья.

– Право на борт! – скомандовал капитан и с азартом выкрикнул: – Ну, кто сказал, что книппели малоэффективны? Стрелять надо уметь!

«Гермес» содрогнулся всем своим корпусом и, не снижая скорости, начал ворочать вправо.

– Раш, залп по общей команде.

– Есть, капитан!

Бой британского брига «Пеликан» с французским фрегатом «Медей». Худ. В. Эльмс и Дж. Фэйрберн. Литография, 1797 г.

Фрегат, совершая поворот и приводя француза на корму, на какое-то мгновение повернулся к тому всем бортом.

– Огонь левым бортом!

И снова книппели, вращаясь, ударили по парусам. Один цепной змеей обвился вокруг грот-мачты, бугели не выдержали, и мачта, кроша такелаж, начала валиться на палубу. Тем не менее французы дали ответный залп.

Послышались проклятья и стоны. Для кока появилась работа.

Когда дым рассеялся, стало ясно, что фрегат вышел из-под огня, но получил некоторые повреждения. Одно орудие сорвало прямым попаданием. Проехавшись по палубе неуправляемым катком, оно наделало разрушений и подмяло под себя канонира.

Купец тем временем беспомощно болтался на волнах с изодранными парусами.

– Приготовить орудия левого борта к залпу! Заряжать картечью! Повторить атаку с того же борта.

Пушки теперь били не по мачтам, а по орудийной палубе. Французы ответили, но вяло. Комендоры на англичанине были вышколены отменно.

– На абордаж! – громогласно закричала вся команда. Невесть откуда взявшиеся два полуголых индейца в боевой раскраске с перьями на головах бесстрашно повисли на вантах и грозно заулюлюкали на свой лад, размахивая при этом томагавками. Для команды неприятельского судна, которая ничего не могла поделать, это звучало жутковато устрашающе. Психологический прием достиг своей цели.

– Спускают флаг! Сдаются! Бросили трап! Ура! – разносилось со всех сторон.

– Что-то ребята быстро скисли. Может, уловка? – спросил Фергюссон.

– Они не идиоты. Хода нет, маневра нет. Прекрасно осознают, что мы их просто разнесем в щепы, да и скальпы им дороги. Краснокожие нагнали страху, – задорно ответил капитан. – Задробить стрельбу! Эй, на баке, каково название корабля противника?

– «Пеликан», – прокричал мичман Грант.

– «Пеликан»? – с удивлением произнес капитан и стал внимательно рассматривать французское судно.

– Лейтенант Скотт. Две шлюпки по правому борту на воду. Призовой команде в шлюпки. У орудий не спать, впередсмотрящим глядеть в оба, – раздавались четкие команды капитана. – Скотт, вы знаете, что делать, удачи!

Глава восьмая. Непростой француз

1765 год, октябрь, Тихий океан

Через десять минут британский стяг горделиво затрепетал над плененным кораблем. Одна из шлюпок вскоре отправилась обратно.

Вместе с лейтенантом прибыло двое французов. Они остались ждать у борта несколько в стороне. Скотт взбежал на шканцы.

– Капитан, команда разоружена и заперта в кубриках под караулом. Офицеры в кают-компании, тоже под караулом. Двое ранены. Капитан и неизвестный господин прибыли со мной.

– Что значит неизвестный?

– Он наотрез отказался назваться и заявил, что будет говорить только с капитаном.

– Характер груза?

– Зерно, фузеи и порох.

– Все, что нужно для ведения войны. Так вот почему они так быстро спустили флаг. Боялись подорваться. Что с рулевым управлением?

– Пока непонятно, штурвал завален мачтой и такелажем.

– Ладно, пойдем знакомиться, – довольно произнес Крейг.

Он, не спеша, подчеркивая важность момента, вместе с несколькими офицерами спустился с мостика к угрюмо стоящим французам.

Один из них, судя по форме и выправке, являлся капитаном. Второй же, возрастом за сорок, слегка полноватый, среднего роста, моряком вовсе не выглядел, ни по виду, ни по платью, в руках он держал трость удивительной работы, а на пальце сверкал золотом массивный перстень с необычным рисунком в виде землемерного инструмента.

– Добрый день, господа, вы говорите по-английски? – слегка надменно, но доброжелательно начал англичанин.

– По понятным причинам я этот день добрым никак назвать не могу, – по-английски ответил обладатель перстня.

– Я капитан Крейг, приветствую вас на борту фрегата «Гермес», – не обращая внимания на раздражение в голосе француза, довольно учтиво продолжил англичанин. – С кем имею честь?

– Лейтенант де вэсье²¹ де Ксавье, мсье де Жарден, – представились французы.

– Куда вы шли, мсье де Ксавье? – спросил Крейг у французского капитана.

– Я не стану отвечать на этот вопрос, – мрачно ответил тот.

– Ваше право. Тогда я спрошу о другом. Странно, что торговым судном, пусть и хорошо вооруженным, командует военный.

– В чем же вопрос? – поинтересовался Ксавье.

– Ваш груз – это коммерция или задание?

– И то, и другое, как и у вас, по всей видимости. Вы, кстати, тоже не гражданский шкипер.

– Вы правы, – рассмеялся Крейг.

– Что будет с нами и нашим судном? – серьезно спросил де Жарден.

– Мы обсудим это несколько позже. Много ли погибших, раненых?

– Не знаю точно, погиб артиллерийский офицер, его застрелили из ружья, подшкипер и штурман ранены, их придавило мачтой, но, кажется, несерьезно. Среди матросов тоже есть потери, – ответил Ксавье.

²¹ Лейтенант де вэсье – воинское звание на французском флоте, аналог звания полковника или капитана 1-го ранга.

– Я направлю лекаря, плотников и матросов. Вашу команду накормят. Раненым окажем помощь, погибших похороним как подобает по-морскому и христианскому обычаю.

– Спасибо, капитан, – поблагодарил Ксавье.

Тут Крейг заметил, что француз крепко держится за эфес своей шпаги.

– Вот что, де Ксавье, мне не нужна ваша шпага, прошу считать себя просто гостями. Пройдемте ко мне в каюту.

– Нет, – властным тоном отрезал де Жарден, – де Ксавье останется здесь.

– Отчего же?

– Мне надо поговорить с вами.

Последняя фраза несколько озадачила офицеров, но виду никто не подал.

– Я бы хотел вернуться на корабль, – попросил де Ксавье.

– Что же, извольте, – дал разрешение Крейг, – только прошу вас не усугублять свое положение необдуманными действиями.

– Не стоило и говорить.

– Хорошо, мсье де Жарден, пройдемте.

– Боаз, – таинственно сказал француз, как только закрылась дверь в капитанскую каюту.

– Яхин, – не менее таинственно ответил Крейг.

– Вы заметили перстень на моей руке? – спросил де Жарден.

– Прежде всего, меня насторожило название вашего судна, а кольцо окончательно убедило.

– Да-да, для «знающих» эта птица священна, я, в свою очередь, заметил берцовые кости на черном флаге. Впрочем, убранство ваших апартаментов говорит само за себя. Не в каждой капитанской каюте можно увидеть «лучезарную дельту» на стене, и потом, эти недвусмысленные сдвоенные декоративные колонны. Ведь они не несут никакой реальной нагрузки, так, чистое украшательство для непосвященных.

В это время в дверь постучали, и на пороге появился кок в сопровождении капитанского кают-юнга.

– Я, знаете ли, после драки подобен стае голодных акул, наверное, от некоего напряжения. Так что прошу разделить со мной эту неурочную трапезу.

– Благодарю.

Бернс постарался на славу. Никакой солонины и прочих привычных «морских консервов». Гостя ожидали блюда из только что ошипанной курицы и недавно выловленной рыбы, а также довольно широкий выбор напитков.

– Что предпочитаете? – спросил Крейг на правах хозяина, показывая на разнообразные бутылки.

– Красное, пожалуй.

– Что же, я поддержу вас, хотя это не морской напиток и не британский, но иногда весьма кстати, как сейчас.

Кают-юнга разлил вино по бокалам и замер в ожидании дальнейших приказаний.

– Вы свободны, Брюс, дальше мы управимся сами, – сказал капитан, чем весьма удивил прислугу. Это было против привычек хозяина.

– Итак, мы выяснили нашу общую принадлежность к братству, но я пока не понял, кто вы, мсье де Жарден.

– Я хозяин судна.

– Но не моряк.

– Не моряк.

– Что же вас заставило отправиться в плавание?

– Извините, я не стану распространяться об этом, скажу только, что мне «открыты работы» в Америке, – ответил де Жарден.

- И они не направлены против Британии?
- Вы прекрасно знаете, что наши работы идут только во благо.
- Я понимаю, что этот день не самый удачный для вас, но я не мог действовать иначе, к тому же вы решили оказать сопротивление, – высказался Крейг.
- Это не я, мой капитан весьма воинственен. На мои уговоры не вступать в бой он ответил решительным отказом, заявив, что на борту он принимает решения.
- И он прав, таков закон моря.
- Да, но мы чуть было не взлетели на воздух. Проще расстаться с грузом.
- Который наверняка хорошо застрахован, – подхватил Крейг.
- Совершенно верно.
- Поднимем бокалы за братство.
- Они чокнулись особым образом.
- Некоторое время собеседники молча поглощали пищу, щедро сдабривая ее вином.
- И все-таки, куда вы везли свой плавучий арсенал? Вы же знали, что подобные перевозки категорически запрещены и крайне опасны.
- Груз предназначался французским колонистам. После британской победы эти люди попали в отчаянное положение. Индейцы в основном встали на вашу сторону, и теперь, на правах победителей, ведут себя совершенно безобразно.
- Но охотиться за французскими скальпами им более нет нужды. Теперь за это, извините, не платят.
- Да, конечно, теперь они просто грабят, а британские власти закрывают на это глаза.
- Ну, ну, де Жарден. Я доподлинно знаю, что французы не такие уж несчастные паиньки. Однако скажу вам следующее, теперь в Америке нет французов и нет англичан, нет шотландцев, ирландцев и евреев.
- Не совсем понимаю вас.
- Теперь есть американцы. Поднимается движение за независимость колонии, и шотландские ложи всячески поддерживают эту идею.
- Интересно услышать это из уст британского офицера, во Франции некоторые силы, как вы теперь понимаете, тоже это осознают, – живо откликнулся де Жарден. – Однако в вашем списке не прозвучали индейцы.
- Индейцы? Эти туземцы? Боюсь, их ждет незавидная участь. Они слишком независимы, чтобы жить в цивилизованном мире. Они будут плохими рабами, поскольку слишком горды и строптивы, а такие рабы никому не нужны. Думаю, вопрос индейцев может быть решен практически бескровно. Знаете ли вы, что они становятся зависимы от алкоголя буквально с первой бутылки?
- Нет, это новость для меня.
- Тем не менее это так, видимо, бог Дионис не посетил их в свое время.
- Однако они есть в составе вашей команды.
- Это все равно что назвать пугала работниками фермы, но оставим краснокожих и вернемся к сложившейся ситуации. Я принял решение. Мы частично конфискуем оружие и порох, после чего вы пойдете своим курсом. Надеюсь, ваш капитан справится с ремонтом.
- Конечно, но как вы объясните это своей команде?
- Сразу видно, что вы не моряк. Капитан не обязан ничего объяснять. Я только поздравлю их с победой и посулю отличные призовые, и они получают их.
- Раз вы не конфискуете «Пеликана», я готов откупорить свою кубышку. Это довольно приличная сумма.
- Что же, это будет кстати и еще надежнее заткнет рты.
- Но к вам могут возникнуть вопросы на берегу.

– О, я довольно вольная птица. К тому же, порох напрямую не является чисто военной принадлежностью, он нужен и охотникам, а зерно и вовсе не подлежит конфискации. К тому же, я собираюсь пойти в Глазго. Последствия недавнего шторма оказались куда серьезнее, чем мы думали. Надо поправить днище, такелаж и списать больных. Как я ни стараюсь, травмы, лихорадка, отравления и портовые шлюхи делают свое дело. И потом, в шотландском порту мне не будут задавать лишних вопросов.

– Так вы шотландец?

– Как и почти вся моя команда.

– Что ж, это многое объясняет.

На этом джентльмены закончили трапезу и расстались почти на дружеской ноте.

В дальнейшем корабли зашли в небольшую бухту для перегрузки, после чего, оставив француза ремонтироваться, «Гермес» взял новый курс, но вовсе не на Глазго.

Глава девятая. Красная треуголка

1765 год, октябрь, Атлантический океан

Лейтенант Скотт провел вечер в кают-компании, где офицеры выпивали и горячо обсуждали сегодняшнее дело. Когда он вернулся, то обнаружил в каюте мрачного Плещеева. На столике красовалась изрядно початая бутылка.

– Извините, Скотт, я взял ваш виски, отдам при первой возможности.

– Что ж, налейте и мне, а то пьете в одиночку, нехорошо. Что-то вы не веселы, Раш? А ведь днем держались отлично, – поинтересовался Скотт.

– Кажется, я убил человека, – подавленно ответил Плещеев и изрядно хлебнул виски.

– Вы уверены?

– Не совсем, конечно. Он был в такой ярко-красной треуголке, активно жестикулировал, явно командовал. Я выстрелил, но тут мы дали залп, и все затянуло дымом, я только заметил, что он как-то дернулся и треуголка слетела с его головы.

– Это ваше первое дело?

– Нет, я участвовал в баталиях, правда всего два раза, но никого не убил. Не пришлось. Только однажды ранил прусского барабанщика, совсем мальчишку. В пылу боя я проткнул барабан, он попытался атаковать меня, ну и нарвался. На его и на мое счастье, барабанщик сдался, – просто ответил мичман.

– Ну за дымом побоища вы могли не заметить, что попали в кого-нибудь.

– Может, и так.

– Ничего, привыкните. Я после первого абордажа неделю не просыхал, ходил, как чумной, мутило все время. А что касается того француза в красной треуголке, его только слегка задело, плечо перевязано, я сам видел.

– Правда? Слава богу. Надо выпить за его здоровье.

– Да бросьте, лучше за победу.

– Хорошо, за победу так за победу, сэр, – согласился захмелевший Плещеев.

– На нашем корабле поменьше употребляйте это обращение, и не дай бог так обратиться к Крейгу. Он ведь наверняка просил вас обращаться к нему именно «капитан», и никак иначе.

– Верно, но почему?

– Налейте.

Они выпили.

– Эта история ни для кого не секрет, поэтому спокойно расскажу ее. Наш капитан не дворянин, вернее, его род лишен дворянства. Не буду вас мучить долгим рассказом, почему это, когда и как произошло, скажу только, что такое случается редко, но предки Крейга некоторыми своими деяниями вызвали праведный гнев короля и получили по заслугам. Тем не менее папаша нашего капитана владеет целой флотилией торговых судов. Крейгу пришлось рано покинуть дом и поступить на морскую службу, на одного из этих купцов. Правда, говорят, богатый отец впоследствии помог отпрыску с офицерским патентом, каперской грамотой и даже кораблем. Так что обращение «сэр» ставит нашего капитана в неловкое и даже унижительное положение, поскольку все наши офицеры из аристократических семей, и вы тоже, как я понимаю, – поведал Скотт и почему-то погладил небольшой портрет молодой женщины, стоявший на столике.

– Да, я из дворян.

– Тем более. Говорят, наш капитан не лишен аристократических амбиций и хочет выслужить титул, хотя на самом деле это практически невозможно. Однако Крейг тешит себя при-

зрачной надеждой, поэтому мы, наверное, самые активные каперы на морских путях в Америку. Мне, честно говоря, надоело постоянно болтаться в море и лезть все время на рожон. Участь канонира О'Лири меня вовсе не прельщает. Давайте выпьем.

– Ах вот оно что, – задумчиво произнес Плещеев. – Однако при такой активности вы тоже можете дослужиться до хороших чинов.

– Будучи в тени Крейга? Не смешите. Я который год хожу в лейтенантах, все ночные вахты мои, а я ведь мог бы управляться с кораблем не хуже капитана. Он, видите ли, все воспитывает меня. Один раз чуть не списал, а нынче я на испытательном сроке, – запальчиво и с обидой говорил подвыпивший Скотт.

– За что?

– Что за что?

– За что чуть не списал?

– Ну, я немножко загулял на берегу. Еле успел к выходу. Так он мне до сих пор поминает, что офицеру нельзя являться на корабль в последнюю минуту, да еще в таком виде. О каком, мол, авторитете среди нижних чинов можно говорить, и так далее и тому подобное.

– Тогда почему вы сами не спишетесь?

– Куда, Раш?

– Можно перевестись на другое судно.

– Э нет, долго задерживаться на флоте, во всяком случае, на корабельной службе, я не желаю, а послужить на судне с отличной репутацией крайне важно для моего будущего. У нас ценят людей, прошедших морскую службу. Обратите внимание на портреты моих родителей на этой стене. Я отпрыск союза двух знатных и влиятельных кланов, а значит, политическая карьера мне обеспечена. Это отец настоял, чтобы я походил по морям, дабы выветрить дурь из моей головы, как он выразился.

– Ну и как, выветривается?

– О да, особенно с таким воспитателем, как Крейг. Ладно, хватит об этом.

– Хватит так хватит. А что это за раскрашенные дикари наводили страх на французов? – сменил тему Плещеев.

– Индейцы. Бездельники, капитан держит их в качестве устрашающего пугала. Как видите, иногда действует.

– Я их раньше не видел.

– Они плохо переносят качку, да и вахт не несут. Выпрыгивают, как чертики из табакерки, а потом опять в свою каюту, на свидание с «огненной водой». Это они так ром называют.

– Почему вы говорите, что Крейг никогда не получит дворянство?

– Такова воля короля, – зевая, произнес Скотт. – Знаете, Раш, что-то я перебрал. Мне, пожалуй, надо прилечь. Да вы о том французе не беспокойтесь, наш «косторез» Гибсон быстро его «залатает».

Скотт слукавил. Треуголка слетела с головы француза, потому что пуля угодила ему прямо в глаз. Сказалась гвардейская выучка. Плещеев еще двенадцатилетним юношей выигрывал в полку пари на меткость.

Через двое суток, ночью, «Гермес» встал на якорь в трех кабельтовых от берега, примерно десятью милями южнее Бостона. С фрегата факелом дали условный сигнал, и вскоре к «Гермесу» подошло несколько разномастных лодок и суденышек, быстро загрузившись, они тихо растворились в темноте, а «Гермес» отправился к берегам Шотландии.

Глава десятая. Тройной агент

1766 год, октябрь, Чатем

Лубянов ощущал себя в Лондоне весьма недурственно. Даже пресловутый местный климат не особенно досаждал ему, поскольку во многом походил на петербургский, но только гораздо мягче. Подопечных частью расписали на корабли, частью, по разным причинам, отправили восвояси, так что на верфи осталось всего пятеро учеников, и держать их под контролем не составляло особого труда. К тому же Лубянову удалось познакомиться с одной актрисой, и личная жизнь быстро наладилась. Франческа плохо говорила по-английски, почти как и сам Лубянов, хотя в последнее время он достиг некоторого прогресса, так что кое-как они изъяснялись, а после почти ежевечерних возлияний вообще прекрасно понимали друг друга. Итальянка отличалась веселым нравом и с удовольствием прикладывалась к бокальчику шампанского, такого же легкого и игривого, как она сама. Все шло хорошо, вот только денег катастрофически не хватало. Сольмс скаречничал, а на государево довольствие особо шикаровать не приходилось. Ко всему и милая Франческа стала давать понять, что одной любовью сыт не будешь, и новое колечко давно просится на один или даже на два ее тонких пальчика. Конечно, можно было бросить эту итальянку и обходиться недорогими шлюхами, но эта нежная шейка, чуть смуглая кожа с невероятным отливом, острые соски на небольшой упруго стоящей груди не шли ни в какое сравнение с обвислыми прелестями местных рыжих девиц, с их узкими, словно приплюснутыми с боков, носатыми рожами. Тем временем финансовая ситуация становилась все более безнадежной. Лубянов уже давно залез в те деньги, что предназначались для жалованья его подопечным, а это уже походило на казнокрадство и явственно пахло острогом.

Вид королевских верфей в Чатеме (1790-е гг.). Худ. Р. Патон

В этот раз на вербовку Стефенс пошел сам. Слишком жирным казался этот кролик, чтобы отдавать дело на откуп какому-нибудь агенту. Аргументов у Стефенса накопилось предостаточно, клиент, что называется, успел хорошенько наследить, да и попивал изрядно. Стефенс

легко разыскал Лубянова за кружкой портера в пабе «Корона и якорь», что расположился рядом с Чатемскими верфями.

– Добрый вечер, как поживаете, мистер Лубянов? – учтиво завязал разговор Стефенс.

– Мы знакомы? – буркнул Лубянов.

– Нет, но я хотел бы познакомиться, меня зовут Стефенс. Давайте я закажу нам по стаканчику.

– Извольте.

– Так и что вам угодно, мистер Стефенс? – слегка отхлебнув, спросил Лубянов.

– Я знаю, что по службе в Петербурге у вас есть начальник, мистер Чернышев.

– Ну да, есть, и что с того?

– Еще я знаю, что у вас есть второй начальник в том же Петербурге, и неизвестно кто из них для вас важнее, – понизив голос, произнес Стефенс.

– Это вы о ком?

– Мне назвать имя?

Последовала некая пауза, после которой Стефенс продолжил.

– Так вот, оба ваши руководителя не очень щедры, скряги, попросту говоря. Они как будто не понимают, что вы живете в Лондоне, а не в каком-то захолустье, не правда ли?

– Откуда вы знаете?

– Я читал ваши депеши. О, не волнуйтесь, они отправились дальше по назначению.

– Кто вы, черт побери, такой и что хотите от меня?

– Я представляю интересы секретной британской морской службы и хочу стать вашим третьим шефом, но уже здесь, в Лондоне. Какая вам разница: работать на две или на три стороны одновременно? В отличие от других мы не жадничаем, и ваши отношения с синьорой Монти расцветут с новой силой. Чтобы у вас не возникало иллюзий и терзаний, скажу сразу, в случае вашего отказа в Петербурге незамедлительно станет известно о ваших сношениях с прусским послом и некоторых финансовых шалостях. Мы перехватили письмо одного из ваших подопечных по фамилии Квашнин. Он, в частности, жалуется на крайне скудное жалование, которое к тому же выдается нерегулярно. Боюсь, все это грозит виселицей, правда, я слышал, что императрица Екатерина никого не казнит, но удар кинжалом в подворотне или камера в крепости вряд ли многим лучше петли.

– Где это письмо? – хрипло спросил Лубянов.

– Вот оно, можете почитать, – Стефенс выложил документ на стол.

Лубянов буквально впился взглядом в текст.

– Убедились? Вы уже, собственно, обязаны нам спасением своей шеи. Так что ответ надобно дать прямо сейчас, согласитесь, ваше нынешнее положение не предполагает долгих раздумий.

– Хорошо, – сдавленно произнес Лубянов, одним махом допил джин и красноречиво посмотрел на собеседника.

Стефенс небрежно бросил на стол увесистый кошелек.

– На первых порах вы будете просто продолжать исполнять ту роль, которая вам и поручена графом Чернышевым, то есть контролировать своих подопечных, но только не валять дурака, а делать это с прилежанием, достойным сего кошелька, и с той целью, чтобы выявить среди учеников возможных агентов. Кроме того, нам нужна подробная справка на каждого из них. Мы должны знать сильные, слабые стороны, пристрастия, пороки и так далее. Зря вас содержать никто не будет. Отчет будете передавать еженедельно через связного. Посмотрите направо, видите человека за стойкой? Вот, он слегка кивнул нам. Это хозяин заведения, зовут его Палмер, он работает на нас, передавать отчет будете ему. Если случится что-то экстраординарное, подойдете к нему и только к нему, закажете пинту и скажете: «Добрый стаут хорош в любую погоду». Мы найдем вас незамедлительно.

– А если этот Палмер куда-нибудь исчезнет?

– Это вряд ли, старина Палмер вечно будет возвышаться над своей стойкой, как Тауэр над Лондоном. Если все же, не дай бог, с ним что-то случится, я узнаю об этом первым и дам вам новую связь. На этом закончим, два разумных профессионала всегда могут договориться, не правда ли? Первый отчет жду через неделю, и учтите, мы контролируем каждый ваш шаг, прощайте, да, и спрячьте кошелек, а то местная публика живо оставит вас без аванса.

Лубянов схватил туго набитый мешочек и какое-то время сидел в некотором оцепенении, наконец, он как бы очнулся, потянул за шнурок и аккуратно заглянул внутрь, содержимое кошелька тускло блеснуло серебром. «Какие агенты из этих балбесов, дурачок какой-то этот Стефенс. Но коли платит, будут ему агенты. Вот, например, Квашнин, сволочь, жаловаться вздумал, доносы строчить. Он же наипервейший шпион и есть», – подумал Лубянов, не подозревая, насколько оказался близок к истине. Он подозрительно огляделся и покинул заведение.

Глава одиннадцатая. Домой

1765 год, декабрь, Глазго

По прибытии в Глазго Крейг вызвал Плещеева к себе.

– Мичман, – без особых предисловий начал капитан, – вас отзывают, вот приказ, ваш я, конечно, не вскрывал, а мой гласит, что я должен вас не задерживать и оказать всяческое содействие в отъезде. Судя по всему, это инициатива вашего начальства, а не моего. Несколько неожиданно и странно. Может быть, текст вашего приказа внесет некую ясность? Разумеется, если в нем не заключены страшные государственные тайны и вы сочтете возможным огласить его.

Плещеев вскрыл пакет, пробежал текст глазами.

– Ничего секретного в приказе нет. Мне велено явиться в Санкт-Петербург в Морской кадетский корпус в распоряжение директора адмирала Голенищева-Кутузова. Совершенно не понимаю зачем.

– Да уж, ясности это не добавило, однако добавило мне головной боли. Мне опять надо искать офицера, а это вдвойне непросто, команда приняла вас, примет ли нового. Видеть Доусона я более не желаю. Да и я уже привык к вам, – скорее по-отечески произнес он после некоторой паузы. – От вас наверняка потребуют отчета, за характеристики с моей стороны не волнуйтесь. Тут еще прибыла некая сумма от вашего ведомства, я добавлю к ней вашу долю призовых, думаю, до России вы доберетесь с комфортом.

– Спасибо, капитан.

– Соскучились по дому?

– Хотелось бы своих повидать, – произнес Плещеев, и лицо его как-то по-детски расплылось в тоскливой улыбке.

– Буду ждать вас, мичман, не просто ждать, а пошлю соответствующий рапорт в Адмиралтейство.

– Как прикажут, капитан. А коли господь даст, явлюсь всенепременно.

– Вот еще что, так, на всякий случай, если получите приказ продолжить службу на моем корабле, то извольте подобрать себе кают-юнгю, вернее, вам со Скоттом, поскольку Джонса я списал по состоянию здоровья, слабоват он для морской службы оказался. Сами мы их не набираем, потому как по малолетству в тех местах, где толкаются наши рекрутеры, они не бывают.

– Мичман Раш, приказываю вам отбыть согласно назначению, – уже в официальном тоне закончил Крейг.

– Есть, капитан, – отчеканил Плещеев, отдал честь и удалился.

Часть вторая

Секретные науки постигать

Глава первая. Финк и компания

1766 год, январь, Санкт-Петербург

Как и предписывалось, приехав в столицу, Плещеев незамедлительно явился в Морской кадетский корпус, где, как положено, представился по прибытии дежурному офицеру. Тот, выслушав, велел ждать в приемной дальнейших распоряжений, а сам удалился. Прошел час, в большом помещении было довольно прохладно. Плещеев уже собрался искать запропастившегося офицера, но тут кто-то обратился к нему.

– Раш!

Вздвигнув от неожиданности, офицер обернулся на голос и увидел мужчину, укутанного в длинную накидку, подбитую дорогим мехом. Надетый на голову капюшон, отороченный тем же мехом, практически скрывал лицо незнакомца.

– И не надо вопросов о том, откуда я знаю это ваше имя.

– С кем имею честь и что вам угодно, сударь?

– Я от известного вам графа. Следуйте за мной, – спокойно, но твердо произнес незнакомец.

– Без доклада директору корпуса не могу.

– Никакого доклада не будет, адмирал его не ждет. Это байки для англичан. Голенищев-Кутузов вашим начальником не является, или вы забыли, кому подчиняетесь? Так что следуйте за мной.

Они вышли во внутренний двор. Плещеев невольно поежился, январский морозец быстро проник под его тонкую епанчу.

Их ждала карета с занавешенными оконцами, запряженная парой добрых лошадей. Кучера не было видно.

– Садитесь в карету и без лишних вопросов, пожалуйста, – то ли попросил, то ли приказал незнакомец, сам он полез на козлы и стал поправлять меховую подстилку. – Из окон не выглядывать, дверцы не открывать, – уже приказным тоном добавил он и вдруг начал как бы обнюхивать Плещеева. – Вы что, курите? – спросил он.

– Да, – недоумевая, ответил офицер, – а что, собственно?

– С этой секунды вы отказываетесь от этой привычки!

– Это еще почему?

– Потому как это может лишить вас жизни при выполнении задания, ибо у любого шпика нюх, почти как у собаки.

– Какого шпика?

– Так, вы или немедленно выбрасываете трубку, или прощайте, – резко бросил незнакомец.

Плещеев нехотя достал прекрасный образец английского трубочного мастерства и бросил его в снег.

– И кисет! – не унимался незнакомец.

«Круто заворачивает, – подумал сбитый с толку Плещеев, садясь в карету, – странно, в такой рухляди и за кучера».

В это время дверца кареты открылась и брошенная невидимой рукой давешняя богатая накидка полетела в угол кареты. Открылась другая дверца, и из другого угла были взяты выдававшие виды овчинный зипун и меховой треух.

– Но, милые, пошли, пошли! – вскоре услышал Плещеев и отдался на волю судьбы.

Через три четверти часа карета остановилась. Послышался скрип, видимо, очень массивных ворот.

Проехав еще немного, карета вновь остановилась, дверца распахнулась, и давешний незнакомец пригласил мичмана выйти. Они оказались во внутреннем дворе какого-то особняка. Подбежал, видимо, слуга. Незнакомец скинул ему зипун и, вдохнув полной грудью морозного воздуха, весело посмотрел на Плещеева. Был он строен, возрастом ближе к сорока, приятной наружности, если бы не безобразный шрам на правой щеке. И лицом, и прической он более походил на иноземца, нежели на русского, хотя говорил совершенно без акцента.

– Вот мы и прибыли, прошу, входите, – пригласил он и повел офицера в дом.

Оказавшись в большом темном зале, освещал который только ярко полыхавший камин, Плещеев почувствовал себя неуютно. Плотные шторы наглухо закрывали окна, Плещеев едва различил два массивных кресла с высокими спинками перед камином.

– Мичман, проходи сюда, к огню, присаживайся, – услышал он как будто знакомый голос.

Он подошел к камину, сел в свободное кресло, но тут же подскочил, узнав человека в другом кресле.

– Здравия желаю, ваше сиятельство! – выпалил Плещеев.

– У меня мало времени, так что садись и внемли. Итак, преподаватели кадетского корпуса любят повторять, что морской офицер должен уметь подходить к кораблю, к столу и к женщине, – граф Чернышев говорил спокойно, даже несколько вкрадчиво, но от этого слова его становились еще более весомыми. – В твоём случае эти умения необходимы, но недостаточны, поскольку ее императорское величество, будучи удовлетворены началом твоей службы на британском флоте, намерены возложить на тебя куда более серьезную миссию за пределами Отечества нашего. Тебе необходимо будет добывать сведения по морской части, столь необходимые для развития военного флота. Это прежде всего. Однако ты не должен этим ограничиваться, нам интересны любые сведения, которые помогли бы вовремя распознать планы врагов России, коих немало, и достойно ответить на эти угрозы. Посему тебе предстоит научиться интриговать, лгать, подкупать, обольщать, следить, выкрадывать, а если выпадет такой случай, то и убивать, убивать вовсе не в честном поединке. Так что придется поступиться принципами благородного человека. К тому же, служба эта опасная, есть большой риск получить кинжал в спину или, что еще хуже, мучительно умереть под пытками. Готов ли? Если нет, то просто пойдешь служить на флот без каких-либо последствий для своей карьеры.

– Готов, – твердо ответил Плещеев.

– Справишься ли? Впрочем, вопрос неуместный, никто сего на данный момент знать не может, будущее покажет. Итак, жить и постигать тайные науки ты будешь здесь, находясь практически в заточении. Никто не должен знать, где ты и чем занимаешься. Наставники тебе представляются сами, слушать их и подчиняться беспрекословно. Обучать тебя будут до тех пор, пока не сочтут достаточно подготовленным. Однако постигай эти знания поскорее, умения этих господ стоят казне весьма недешево. Вопросы есть, пожелания, может быть?

– Никак нет, ваше сиятельство.

– Вот и ладно, мне пора, не вставай. Тебе надо все это, что называется, переварить, – с этими словами Чернышев покинул мичмана, оставив того в кресле перед камином в полном замешательстве. «Странно, он совсем не расспрашивал о службе на „Гермесе“, – подумал Плещеев.

– Зовите меня Финк, – услышал мичман за спиной уже знакомый голос.

Плещеев встал и обернулся.

Перед ним стоял давешний человек со шрамом и еще двое.

– Это Жозефина и Джакомо, отныне мы ваши наставники, – продолжил Финк, указывая на мужчину и женщину средних лет, – по-другому нас никак называть и титуловать не надо. Вас мы знаем как Раша, и перед нами поставлена определенная задача, более нам знать ничего не нужно. Занятия начнутся завтра. Подъем в семь утра, утренний туалет, завтрак, первый урок в восемь, обед в час дня, занятия до пяти вечера, ужин в шесть, потом самостоятельная подготовка. Из дома выходить нельзя, к окнам подходить нельзя. В доме, кроме нас, три человека прислуги. С ними общаться только о бытовых нуждах и ни о чем более. Впрочем, они достаточно вышколены и исполняют свои обязанности без лишних слов. Сейчас один из них покажет вашу комнату. Через час спускайтесь к ужину.

Ужин прошел в полной тишине, видимо, молчание здесь, действительно, почиталось за золото.

На следующее утро после завтрака Финк повел ученика с собой. Они вошли в большую крытую стеклянной крышей галерею, и казалось, очутились на городской улице.

– Итак, сударь, перед вами небольшая декорация типичной парижской или, скажем, лондонской улицы. Это узкое пространство, мощеное камнем, в окружении домов в два, три этажа. Мы ласково называем ее Смертельный тупичок. И вот, представьте, в этом тупичке вас собираются убить.

– И я об этом догадываюсь?

– Не нужно догадываться. Нужно всегда быть настороже, чувствовать, как зверь, подмечать все, взгляды, звуки, тени, при этом внешне выглядеть для окружающих самым обычным образом. Отблески в стеклах, отражение в зеркалах и полированных поверхностях, отсветы фонарей, отбрасываемые тени, вот ваши уличные помощники. Небольшое расслабление и вуаля, дивный шрам во всю щеку, правда, к счастью, все могло закончиться намного печальнее.

– Вас пытались убить?

– О, неоднократно. У меня большой опыт по этой части. Так что станете делать?

– Отбиваться.

– Чем? Каким оружием владеете?

– Шпагой, ружьем, пистолетом.

– Тогда вас всенепременно убьют. Наемные убийцы не отличаются благородством и джентльменскими манерами, их задача быстро и безопасно для себя сделать свое дело. Обычно они действуют вдвоем, и роли их расписаны досконально, один отвлекает и пугает, другой исполняет. Одному опасно, делить куш на троих невыгодно, так что двое – оптимальный состав. Теперь подождите минуту, а потом идите вдоль по улице и попытайтесь не расстаться с жизнью.

С этими словами Финк оставил мичмана в одиночестве. Через какое-то время импровизированная улица начала оживать. Слуги изображали городскую суету. Один вез небольшую одноколесную тачку, второй чистил обувь, третий празднично шатался, а Жозефина громко расхваливала свой товар, стоя за прилавком.

Плещеев, осторожно двинулся вперед и, как ему казалось, полностью держал все под контролем. В какой-то момент из подворотни выскочил человек и с грохотом перевернул тачку. Все обернулись на шум, мичман выхватил шпагу.

– Ну вот вы и труп, – услышал он тихий шепот над ухом и ощутил холод стали на горле.

– Черт, Финк, откуда вы взялись?

– Я прятался под прилавком. Под вторым прилавком. Вы даже не обратили на него внимания. Хотя вам должно было показаться странным, отчего это довольно дорогие платки и перчатки лежат без всякого присмотра. Я даже немного выставил свой сапог, но вы и ухом не повели, однако на шум переворачиваемой повозки среагировали, как и все остальные зеваки. Просто прелестно.

– Виноват.

– Виноват? Вы так будете докладывать уже на том свете! Какой вывод необходимо сделать из произошедшего?

– Я все сделал не так. Я никуда не гожусь.

– Пока никуда не годитесь. Однако сия болезнь при вашем должном усердии и нашем умении вполне излечима. Продолжим завтра, а вы подумайте, как все же правильно действовать, чтобы избежать собственной смерти в подобных обстоятельствах. Это будет вам домашним заданием. Однако занятия продолжаются, и ныне вас ждет наша дама.

Жозефина, разодетая в жемчуга и бордовое платье с декольте, встретила ученика томным взглядом и легкой загадочной улыбкой. Лицо ее нельзя было назвать очень красивым, но оно было вполне привлекательным, а недостатки отсутствия породы компенсировались некой женственностью и чувственностью в манерах, тем, что называется шармом. Она сидела за довольно большим столом, покрытым зеленым сукном, стены комнаты были задрапированы тяжелой тканью, несколько подсвечников давали приглушенный свет.

– Добрый день, мадам, – вторя общей обстановке, негромко поздоровался Плещеев.

На что та ничего не ответила, а только взяла со стола небольшой веер прекрасной работы, раскрыла его и сделала несколько резких взмахов, потом закрыла и приложила кончик веера к губам.

Плещеев недоуменно смотрел на даму, пауза затянулась.

– Что я сейчас сказала, Раш?

– По-моему, вы ничего не сказали, только манипулировали веером, вероятно, это что-то означает.

– Недурно. Что ж, на языке веера это означает, что я волнуюсь, не могу говорить и боюсь, что нас подслушивают. В свое время законы приличий в Испании отличались такой строгостью, что женщинам пришлось научиться использовать веер для своих посланий кавалерам.

– Так мы будем изучать, как дамы обмахиваются веером? – с ироничной улыбкой спросил Плещеев.

– И не только это, – вполне серьезно продолжила Жозефина. – Светские салоны хорошее место для налаживания связей, вербовки агентов и добычи сведений, а там свои правила игры, и их, милостивый государь, надобно выучить назубок. Теперь взгляните на мое лицо повнимательнее, вы ничего не замечаете?

– Ну оно какое-то неестественно белое, наверное, слишком много пудры, да еще родинка имеется на правой стороне подбородка.

– Это не настоящая родинка, а мушка, или, как ее еще поэтично называют, «пятнышко красоты». Говорят, что графиня Ньюкастл, дабы оттенить напудренное лицо и несколько сгладить не самые идеальные его черты, придумала наклеить несколько кусочков черной тафты. Игра света и тени дала поразительный результат. Со временем и мушки тоже стали использовать, как некие женские послания. В данном случае это черное пятнышко означает, что я ищу свидания с вами. Ныне языком веера и мушки пользуются светские дамы всех благородных домов, и незнание этого кода роняет вас в глазах женского общества, в то время как владение языком жестов и тайных посланий сулит для вас перспективы по амурной части. Все эти графини и баронессы, как правило, мающиеся от безделья похотливые курицы, но они могут стать ценнейшим источником информации или представить вас нужным людям, ведь они чьи-то жены, чьи-то любовницы. Флотский офицер в красивом мундире, с орденами на груди, физически крепкий, с обветренным лицом, в меру грубоватыми манерами и массой захватывающих историй в запасе всегда вызывает неподдельный интерес в разного рода благородных собраниях и даже при дворе. Такая персона выглядит выигрышно, особенно на фоне изнеженных светских кавалеров, напудренных не меньше дам. Так что вам просто надо будет оставаться в своем образе и ни в коем случае не пытаться соревноваться с придворными красавцами в

галантности и манерах, здесь вы проиграете. Только помните, почти все эти дамы первостатейные стервы, склонные к коварным интригам, так что держите ухо востро и не вздумайте влюбляться, пропадете. Повторюсь, эти женщины для вас источник информации, и не более того. Кстати, по части интриг и коварства кавалеры не уступают дамам, так что, блюдя собственное достоинство, всегда думайте, что вы говорите и как вы говорите. Если вы, паче чаяния, каким-либо образом наступите одному из этих повес на большую мозоль, например уведете даму, прилюдно неліцеприятно выскажетесь, да еще если, не дай бог, при этом шпилька, выпущенная вами, попадет в цель и вызовет смех, то можете ждать самой изощренной подлости. Вас почти наверняка не станут вызывать на дуэль, ведь выдавший виды офицер может, чего доброго, и нежную шкурку попортить. Гораздо лучше подослать кого-то с ножом или ядом. Да-да, при всех дворах травили и травят неугодных по сей день. Так что будучи на приемах, всегда посматривайте, нет ли чего лишнего в вашем бокале, кто и что в него наливает, посмотрите, налили ли другим из этого графина или бутылки. Сидя за столом, следите за тем, кладут ли очередное блюдо на тарелку всем или только вам, постарайтесь незаметно протереть столовые приборы своим платком и не пользуйтесь той салфеткой, что вам дали, а лучше вообще воздержитесь от еды и питья. Это будет полезнее и для вашего желудка, ибо на больших банкетах блюда далеко не всегда хорошо приготовлены, да и продукты могут оказаться несвежими. О том, какие бывают яды и как ими пользоваться, я вам тоже расскажу. Все-таки десять лет при дворе. И еще, берегите здоровье, венерические заболевания гуляют не только среди портовых шлюх, и густо наложенная пудра на лицах вельможных красавиц зачастую скрывает не только природные изъяны. О внешних признаках амурных болезней мы также еще поговорим, а теперь извольте взять эти тетради и изучить все, что касается затронутых сегодня тем. На следующем занятии буду вас экзаменовать.

– Погодите, вы всерьез думаете, что я стану кого-то травить?

– А чем, собственно, это отличается от удара саблей или выстрела из ружья, что вы осваивали в гвардейском полку? – голос Жозефины приобрел некую жесткость. – Быть может, вам неприятен вид конвульсий и более импонирует брызжащая из раны кровь, нежели вывалившийся посиневший язык и пена у рта? Конечно, убивать с большого расстояния проще, ведь в этом случае до вас не достанут разлетающиеся мозги, как было с тем офицером с французского судна. Припоминаете?

– Что?! Откуда вы знаете? И потом, мне сказали, что я не попал, – неприятно удивившись, почти выкрикнул Плещеев.

– Вас просто пожалели. Мы знаем о вас очень многое и познакомились с вами не вчера. В общем, по результатам плавания на «Гермесе» вы свой первый экзамен уже сдали, сами того не ведая, иначе бы здесь просто не оказались. Я бы могла окутать все завесой тайны и предстать перед вами некой мистической дамой, но я как раз хочу показать, что это, прежде всего, профессиональный подход к делу, который, я очень надеюсь, воспримете и вы. Дело в том, что вместе с вами на «Гермес» нанялись два матроса. Одного из них именно мы пристроили на интересующий нас корабль, за что он доложил о ходе вашей службы. Как видите, ничего мистического.

– А как же вы разыскали того матроса?

– О, в Глазго есть всего два кабака, где ошивается матросня в поисках работы и проходят сделки по найму. Наши люди завербовали толкового безработного моряка, шотландца, что приветствуется капитаном Крейгом, и как бы невзначай познакомили с боцманом «Гермеса», при этом щедро угостив того отличной выпивкой. В общем, боцман нашел матроса, матрос нашел работу, а мы – пару своих глаз на корабле.

Плещеев сидел молча, слегка ошарашенный всем услышанным.

– Так вот почему Чернышев ничего не спрашивал о моей службе. Он и так все знал, – задумчиво произнес он.

Жозефина усмехнулась.

– Легко делать выводы, когда все факты выложены. Ладно, сударь, на сегодня хватит, а в следующий раз мы подробно рассмотрим, как действует мышьяк, а как белена, ну и так далее.

– До свидания, Жозефина, – деревянным языком еле выговорил мичман и отправился восвояси.

На следующий день Плещеева ждали новые занятия.

– В прошлый раз ваша защита потерпела фиаско, – начал Финк. – Ваша невнимательность стала тому причиной, но, скажем, вы выучили урок и вовремя распознали опасность, ваши действия?

– Как-то обороняться.

– Да, это в крайнем случае, хотя вряд ли бы вы сумели защититься вашим оружием. В уличной стычке оно малоэффективно.

– Так что же делать? – растерянно спросил Плещеев.

– Скорее уносить ноги. Да-да, не удивляйтесь. Как говорит китайская мудрость, несостоявшийся бой есть выигранный бой. Для гордого рыцаря это, наверное, неприемлемо, он заявит, что честь дороже живота и с большой долей вероятности отправится в мир иной, где и оценят реальную степень его благородства, а главное – глупости. Мы себе такой роскоши, как понапрасну рисковать собственной жизнью, позволить не можем. Ведь информация в нашей голове может стоить в сотни раз больше нас самих. Мы на задании, и его успешное выполнение есть и наша гордость, и наше благородство. Так что драться необходимо, только когда вы реально не можете сбежать. Вы понимаете ту мысль, что я пытаюсь до вас донести?

– Кажется, да.

– Тем не менее уметь защитить себя совершенно необходимо. Посему продолжим. Замечили, я в прошлый раз подбирался именно к вашему горлу. Как думаете, почему?

– Чтобы убить наверняка.

– Совершенно верно, даже при небольшой ране кровотечение из горла очень трудно остановить, практически невозможно. Но это еще не все. Как я вам уже говорил, убийца старается действовать наверняка и при этом как можно более безопасно для себя. При ранении в шею вы невольно вскинете руки вверх, то есть не схватитесь за оружие и, кроме того, захлебываясь кровью, физически не сможете позвать на помощь. Вот такая жестокая правда жизни. Теперь о защите. Начнем с психологии наемников. Кроме денег, у них нет другой мотивации, посему встретив активный отпор, они предпочтут отложить исполнение заказа до более удобного случая. Отказаться – никогда, это своеобразная этика убийцы. Правда, поняв, что орешек крепче, чем предполагалось изначально, они, вполне возможно, попробуют шантажировать заказчика, требуя большую сумму, и вполне могут не сойтись в цене. Но это вовсе не значит, что заказчик не найдет других исполнителей. В открытом поединке наемники обычно не столь сильны ни технически, ни морально, а посему избегают такого рода столкновений.

– А почему вы все время говорите о наемных убийцах, ведь моя персона должна в первую очередь заинтересовать агентов с противной стороны?

– На редкость прелестный вопрос. Конечно, они заинтересуются вами, но им более необходимо проявить вас как агента, отследить ваши связи, попробовать завербовать, нежели прыгнуть ножиком в подворотне. Этому мы тоже посвятим время.

– Тогда кто же будет подсылать наемников?

– Мало ли кому вы перейдете дорогу. Например, вы завербовали человека, а он испугался возможных последствий. Да и господа из секретных служб, если не договорятся с вами, будут действовать теми же методами. Теперь подойдем к этому столу, здесь вы можете увидеть образцы оружия, наиболее эффективного для ближнего боя. Ну, и каково ваше впечатление от этого набора?

– Выглядит странно и вызывает сомнения. Какие-то несуразные маленькие ножи почти без рукояток. Пистолеты тоже небольшие, более походят на игрушечные. Ну и кинжалы, совсем необычные, трехгранные. Наиболее понятным здесь выглядит простой нож.

– Однажды некие чужеземцы, встретив спартанцев, посмеялись над их короткими мечами, на что получили жесткий и поистине лаконичный ответ, звучавший следующим образом: «Длина наших мечей никак не мешает нам отлично доставать ими до своих врагов». Это говорит о том, что мастерство владения оружием значит куда больше, нежели его размеры, и каждое оружие хорошо для своих целей. Вот, кстати, поведайте мне, каким оружием пользуются при морских баталиях? Вы же успели побывать в деле.

– Да, я знаю, что вы в курсе, и даже слишком, – буркнул Плещеев.

– А, Жозефина уже просветила вас, – с усмешкой произнес Финк, – однако чувствую обиду в ваших словах.

– Не очень приятно узнать, что за тобой все время подглядывают и доносят.

– Это неизбежно в нашем деле. Относитесь к этому спокойно. Вы сами будете заниматься слежкой. Так что же с абордажным оружием?

– Вы правы, некоторые особенности имеются. На большом расстоянии специальные стрелковые команды пользуются длинноствольными ружьями, когда корабли сходятся поближе, в ход идут мощные короткоствольные тромбланы²² и мушкеты, а при самом abordaje берутся за пистолеты. В рукопашной бьются на тесаках и палашах, вместо шпага и сабель.

– Вот видите, и здесь все по-своему. Теперь встаньте к этому деревянному щиту, заметьте, он гораздо выше и шире вас. Ваша задача вынуть шпагу и атаковать меня как можно более поспешно.

Плещеев подчинился, но только он начал вынимать из ножен клинок, над его головой дважды что-то просвистело и воткнулось в щит.

– Ну как? Взгляните наверх, это те самые, как вы изволили выразиться, несуразные ножи. Обратите внимание, насколько глубоко они вошли в довольно плотную древесину, нетрудно представить, что бы случилось, возьми я чуть ниже. А какова скорость? В умелых руках это страшное оружие, и называется оно метательный нож. Теперь пистолет. Он действительно несколько меньше обычного и бьет всего на десяток шагов. Однако вам более и не надо, если вы даже не попадете, то шум выстрела введет в замешательство ваших противников, привлечет внимание зевак, а значит, вам будет легче ретироваться. Ну и этот трехгранный кинжал. Называется он стилет. Подойдем к манекену. Как вы изволите видеть, на нем красуется куртка, называемая бычий колет. Пощупайте, толстенная кожа специальной выделки, неплохая и некогда весьма популярная защита. Однако лицами определенного рода занятий используется и теперь. Попробуйте проткнуть колет вашей шпагой.

Плещеев дважды ткнул в манекен.

– Так не взять, надобно рубить.

– Верно. А теперь сделайте то же самое при помощи стилета.

Плещеев взялся за новое оружие.

– Вот, видите разницу, кожа разошлась, так что это оружие в данном случае куда эффективнее, к тому же рана, нанесенная стилетом, крайне болезненна и очень плохо заживает. И наконец, столь понятный вам хороший нож, который всегда пригодится, если надо добраться до чьей-то шеи. Ведь вы должны стать охотником, а не быть в роли дичи. И еще, общее у этого оружия то, что его легко можно спрятать в одежде или за голенищем. Кстати, об одежде. Подойдем к еще одному манекену. Здесь вы можете видеть длинный, широкополый плащ с капюшоном. Обратите внимание на множество складок и потайных карманов. А теперь посмотрите на

²² Тромблон – вид огнестрельного абордажного оружия.

наш дивный тупичок. Один из ваших наставников, коих вы уже знаете, надел такой же плащ и теперь удалятся от нас. Как вы думаете, кто это?

– Рост небольшой, шаг мелкий, думаю, это Жозефина.

Человек в плаще обернулся.

– Отнюдь нет, вот, можете убедиться, что это наш славный Джакомо. Он слегка ссутулился, чуть изменил походку – и вуаля, вы ошиблись. А почему? Плащ скрывает очертания фигуры, кроме того, если кто-то наносит удар и поражает плащ, это вовсе не означает, что он попал в тело. Обратите внимание на то, как устроен капюшон, он имеет неправильную, асимметричную форму, так что в тумане или в сумерках неподвижного человека в таком одеянии легко можно принять за каменную глыбу. Привыкайте носить такую одежду, кроме тех случаев, конечно, когда это неприемлемо по разным обстоятельствам. Заметьте, на манекене не просто плащ, а епанча морского офицера, правда, с некоторыми усовершенствованиями, сшито по вашей мерке, так что это часть вашего снаряжения. Потом примерите. А теперь, посмотрите, какие особенные предметы лежат на этом столике, что, по-вашему, объединяет их?

– Что особенного может быть в тарелке, бутылке, стакане или вилке, это все столовые приборы, – ответил Плещеев, недоуменно пожимая плечами.

– При определенных обстоятельствах это тоже оружие, вообще, все, чем можно ударить или проткнуть, должно превращаться в смерть в ваших руках. Со следующего раза мы начнем тренироваться использовать весь этот арсенал, и даже вилки.

Следующий урок проводил Джакомо. Был он худощав, строен, но в его аскетичной фигуре и пружинистой походке ощущалась скрытая сила. В отличие от Финка, на приятном с правильными чертами лице Джакомо часто играла улыбка, длинные, темные, слегка выющиеся волосы с тонкими струйками седины еще более добавляли привлекательности правильным чертам его лица, которое, однако, уже прорезали первые морщинки.

Джакомо ждал подопечного в той же комнате, что и на занятиях с Жозефиной.

На зеленом сукне лежали несколько колод карт и два отполированных шарика.

– Присаживайтесь, Раш. Вам приходилось когда-нибудь слышать слова «брэг», «похшпиль» или «пок»?

– Нет.

– Это разноязычные названия одной и той же весьма популярной в Европе салонной карточной игры. Ну а скажем, «винт»?

– Тоже нет.

– Неужто brave гвардейцы вашего полка избегали азартных игр? Верится с трудом.

– Отчего же, перекидывались, конечно.

– Во что, откройте мне тайну.

– В штос.

– Ах, вот как. Что же, в Европе эта игра известна под названием «фараон». Игра коварная, в нее просаживают целые состояния. Ну а вы сами – как, грешите этой забавой?

– Теперь нет. Хотел матушке гостинец с первого жалованья купить, да по традиции надо было, что называется, проставиться в полку. Захмелел, сели в карты, ну и проигрался в пух и прах. А мне в отпуск, к своим ехать, да с пустыми руками. Такой стыд меня взял, не приведи господь. Спасибо, товарищи выручили. С тех пор, как отрезало.

– Значит, товарищи помогли, и карточный долг вы оплатили сразу.

– А как же, дело чести, иначе позор несусветный.

– Так вот, никаких товарищей у вас не будет, будут связные, агенты, доносчики, наемники, но не дай бог им довериться или, например, взять займы. Ну это так, лирическое отступление. Теперь продолжим. Несмотря на табу, вам придется вернуться к карточным играм, ибо после охоты и танцев это главное светское развлечение. А в остальных слоях общества это, пожалуй, самая популярная забава, например, почти в любой лондонской кофейне вы найдете

компании, увлеченные игрой. Умение играть в карты очень полезно для заведения нужных знакомств и среди простых людей, и среди аристократов, и, кроме того, проигравший человек становится вам обязанным. Ведь вы сами сказали, что карточный долг есть долг чести, а отдавать его можно разными способами, в том числе и нужными сведениями, и тут должник может попасть в еще большую зависимость и поддаться на вербовку. Как говорится, коготок увяз – всей птичке пропасть. Посему будем учиться выигрывать, а главное, не быть за карточного болвана и не дать обыгрывать себя. Итак, перед вами лежат две новые запакованные колоды. Вы видите разницу между ними?

– Не знаю, выглядят одинаково.

– Хорошо, теперь разорвите обе колоды. Возьмите карты сначала из одной, потом из другой. Пощупайте их.

– Никакой разницы.

– Да что вы говорите? А разница меж тем есть, и весьма существенная. Внимательно пройдитесь подушечками пальцев по краям карты из колоды, что слева от вас.

– Я ощущаю некоторую шероховатость.

– Будто иголкой кто-то наколол.

– Пожалуй.

– Так вот это карта крапленая, и тот, кто вам ее сдал, прекрасно знает, что у вас на руках. Этот код мы с вами обязательно изучим. Нет, я вовсе не пытаюсь сделать из вас шулера, этому учатся долгие годы, но распознать, чисто ли сдают, просто необходимо. Запакованная колода, якобы совершенно новая, как вы сами только что убедились, ничего не значит. Кроме того, хотя в любой карточной игре и есть большая доля везения, надо считать карты, анализировать и с большой долей вероятности предполагать, что у противника на руках. Но это все не самое главное.

– А что же главное?

– Следить за эмоциями, не выдавать своих чувств и намерений, и не только во время игры. Возьмите это за правило. В то же время необходимо следить за другими, ведь жестами, мимикой они зачастую выдают себя. Вы сами старайтесь не выказывать ни радости, ни сожаления, мило улыбайтесь, поддерживайте беседу. Никто не должен понимать, какая работа в этот момент происходит в вашем мозгу. Иногда, для пользы дела, не грех и намеренно проиграть. Вообще, знание человеческой природы есть в нашем деле наиважнейшей из наук. Изучить субъекта, понять его характер, найти слабое место и задеть нужную струну – вот путь к успеху. Больше слушайте, нежели говорите, больше подмечайте, не щеголяйте знанием языков. Всегда полезно знать, что говорят при вас, будучи уверенными, что вы не понимаете. Кстати, что у вас с языками?

– Английский и немецкий хорошо, немного французский.

– Понятно, я прикажу, чтобы Жозефина вела свои занятия на французском, за вами еще шведский и голландский. Впрочем, человеку, освоившему немецкий и английский, они должны даваться довольно легко.

Джакомо взял в руку два шарика и стал ловко пальцами манипулировать ими.

– Эти шарики ваши друзья, работайте с ними постоянно, они позволят вашим кистям и пальцам приобрести необходимую гибкость, поскольку некоторые фокусы с картами нам придется освоить. На этом урок закончен. До новых встреч.

Так, день за днем Плещеева превращали в европейца и секретного агента, превращали, безжалостно лишая иллюзий, трансформируя психику и взгляды на этот мир. Учителя не тронули только двух вещей – веры и любви к Отечеству.

Глава вторая. Назначение – Лондон

1766 год, апрель, Санкт-Петербург

Незаметно пролетели три месяца, и вот однажды вечером Плещеева снова пригласили в каминную залу. В том же кресле, без обуви, положив ноги на банкетку, сидел граф Иван Чернышев.

– Ну что, Плещеев, тяжело? – усталым голосом спросил граф.

– Здравия желаю, ваше сиятельство.

– Ну-ну, опять за свое. Оставь, ты более не гвардейский унтер, присядь. Что-то я устал сегодня, видать, старею. Так ты не ответил на мой вопрос, лейтенант.

– Тяжеловато, если честно, не для нашего брата это все.

– Да, лепить из православного русского дворянина так называемого европейца и тайного шпиона – занятие непростое. Однако ты справляешься, Финк дал тебе вполне удовлетворительную аттестацию.

– Спасибо.

– И тебе спасибо, что не грянул: «Рад стараться, вашевашество».

– Осмелюсь напомнить, я не лейтенант, а только мичман.

– Не перечь начальству, начальство знает, что говорит, а по сему буду к вам, господин лейтенант, отныне обращаться на вы, ибо вы, Сергей Иванович, свое нынешнее звание в бою заработали, нового поприща не испугались, и баталий нам с вами предстоит немало. Лейтенантский патент, новую шпагу и полный комплект формы вы найдете у себя в комнате. Поздравляю. Чин вы заслужили, а все остальное мой вам подарок, надеюсь, мундир подойдет по размеру. Теперь о дальнейшей вашей судьбе. Обучение ваше закончено, вернее сказать, обучение здесь закончено, только приобретенный в реальном деле опыт сделает из вас настоящего агента. По нашим сведениям, «Гермес» попал в очередную переделку, нынче встал в длительный ремонт и будет готов к выходу в море через три месяца, вопрос о продолжении вашей службы на «Гермесе» согласован, а сам капитан Крейг не то что не возражает, а просто требует вас на борт. Это тоже говорит в вашу пользу, я слышал, что Крейг не жалуется иностранцев, – расслабленным тоном вел свою речь граф, но на этом закончил, молча надел туфли и встал. Плещеев тоже невольно поднялся. Чернышев строго и торжественно посмотрел на него и продолжил гораздо более твердым тоном.

– Сейчас ваша задача – сделаться там своим. На британском флоте служите честно, вживайтесь, но всегда помните, что на самом деле служите России и никому более, служите не ради чинов, денег и наград, а потому что вы русский офицер, гвардеец! Никогда не забывайте, кто вы есть такой! – он опять замолчал, после чего продолжил в прежней расслабленной манере.

– Кстати о средствах, тут необходимые документы для проезда, офицерское жалованье за три месяца и деньги на дорожные расходы, – сказал граф, указывая на небольшой ларец, стоявший на каминной полке. – Даю вам двадцать суток на поездку к родным. Отправитесь без огласки, в партикулярном платье, с подорожной грамотой на имя Сергея Печорина, а обратно, наоборот, поедете весьма открыто, под своим собственным именем, уже в офицерском мундире, при каждом удобном случае рассказывая, как вы замечательно отдыхали в родовом гнезде целых три месяца по ранению. Однако теперь рады, что вырвались, потому как несколько пресытились размеренной и скучноватой деревенской жизнью и провинциальными барышнями. Пусть ни у кого не возникнет вопрос, где вы пропадали все это время. Это понятно?

– Да, понятно.

– Затем сразу же отправляйтесь в Англию, явитесь в нашу миссию в Лондоне, там встретитесь с одним человеком, с кем, узнаете на месте. Действовать будете по его указаниям. Да, вот еще что, приглядывайтесь к тамошним офицерам на предмет их перехода в русскую службу. Морские офицеры нам весьма потребны, но только лучшие офицеры! Ну, с богом, и помните, Отечество надеется на вас, – с тем закончив напутствие, Чернышев удалился.

По весенней распутице дорога домой оказалась долгой, а встреча с родными короткой, но от того еще более желанной и теплой.

Глава третья. Симит

1767 год, март, Лондон

По окончании своеобразного отпуска Плещеев прибыл в Лондон, где напрямик отправился на Гросвенор-стрит в резиденцию Алексея Семеновича Мусина-Пушкина, полномочного министра при английском дворе. Визит этот выглядел вполне оправданным и не должен был вызвать никаких подозрений, скорее могло показаться странным, если бы офицер, направленный в другую страну, первым делом не явился бы в дипломатическую миссию своего государства.

Дежурный секретарь молча выслушал представление лейтенанта и велел следовать за ним. Они прошли в самый дальний конец здания, где в небольшом, уединенном, ничем не примечательном кабинете Плещеева оставили в одиночестве.

Вскоре в помещение быстрым шагом вошел человек лет пятидесяти, одетый по самой последней европейской моде. Небольшого роста, курносый, высоколобый. Живой, стреляющий взгляд сидящих чуть навывкате глаз говорил об остроте и изворотливости ума.

Однако это оказался вовсе не русский посланник в Англии, на встречу с которым рассчитывал лейтенант. Звали этого человека Иван Матвеевич Симолин. Официально он занимал должность резидента, то есть наблюдающего представителя России при германском имперском сейме в городе Регенсбурге. Никакой империи, собственно, к тому времени не существовало. Разрозненные германские герцогства и княжества представляли собой лишь осколки некогда грозной Священной Римской империи немецкой нации. Посланники этих мелких уделов пытались решать общегерманские вопросы. Иван Матвеевич Симолин и на самом деле являлся резидентом, но только, в первую очередь, резидентом русской разведки. Должность представителя при ничего не решающем сейме была, с одной стороны, номинальной и необременительной, а с другой, оправдывала постоянное нахождение Симолина в Европе, позволяя ему встречаться с чиновниками самых разных рангов и свободно вояжировать по континенту.

– Здравствуйте, Сергей Иванович, эго вы возмужали, уже лейтенант, моря-океаны бороздили, пороху понюхали, – довольно радушно приветствовал Симолин заждавшегося Плещеева.

– Извините, но мы с вами, по-моему, ранее не встречались, – недоуменно сказал Плещеев, забыв даже поздороваться.

– Это вам так кажется, надо же было удостовериться, что в Глазго вы нашли нужный корабль, да и своих будущих агентов необходимо знать в лицо. Помните, как у вас треуголка чуть с головы не свалилась? Так что же, Сергей Иванович, давайте знакомиться теперь явно, надворный советник Иван Матвеевич Симолин, и здесь, в Европе, вы будете подчиняться мне.

– Здравия желаю, ваше высокоблагородие.

– Для начала давайте-ка отставим табель о рангах. Извольте называть меня по имени и отчеству. Во-первых, вы лейтенант флота, а во-вторых, мы с вами коллеги, оставим чины и звания для светских приемов и парадов. У нас с вами война тихая и требует отношений доверительных. Для вас я Иван Матвеевич, а для донесений и вовсе «Симит».

– Есть.

– Кстати, у вас есть агентурное имя?

– Кличка?

– Кличка, милостивый государь, это у татей. Вы что, тайные депеши своим титулом подписывать собираетесь?

– Нет, наверное.

– Тогда вам нужно это самое имя. Впрочем, в донесениях вы уже проходите, как агент «Раш». На нем, пожалуй, и остановимся.

– Это неправильно.

– Отчего же?

– Да я уже известен на британском флоте под эти именем. Какая уж тут тайна.

– Правильно, батенька, верно все. Это я вас немножечко проверял. Так как же нам быть?

– Не знаю, – пожав плечами, недоуменно ответил Плещеев, – я как-то не думал о таком предмете.

– А думать надо, это наша работа такая, думать. Думать, просчитывать ходы вперед и делать это быстро.

– Может быть, Гермес?

– Гермес? Почему Гермес? Ах да, мне кажется, я понимаю, это фрегат, на котором вы изволили служить?

– Так точно.

– Гермес ведь вестник богов, так что лучше «Вестник богов», нет, просто «Вестник», депеши вы точно не от богов будете получать. Как вам?

– Согласен, однако, извините, но ваше агентурное имя мне тоже не нравится. «Симит» – это ведь Симолин Иван Матвеевич, если я не ошибаюсь?

– Надо же, вы пока единственный, кто догадался.

– Могут найтись и другие.

– Нет уж, батенька, к своему «Симиту» я привык, а главное, не только я, посему менять не стану.

– Воля ваша.

– Вы что же, с вещами прямо сюда? – приветливо, с живым интересом спросил Симолин.

– Так точно.

– Небось, голодны?

– Никак нет.

– Так ли? Прибыли вы в Лондон шесть часов назад, по дороге сюда ни в какое заведение не заходили, ведь так?

– За мной что, следили?

– Не следили, а сопровождали. А вы не заметили?

– Отчего же. Только не мог взять в толк, кому и зачем это было нужно.

– Мы смотрели, нет ли за вами «хвоста».

– Ну и как?

– Пока что ваша персона не удостоилась такого внимания.

– Чьего внимания?

– Ну, полицию вы вряд ли интересуете, а вот морскую разведку, пожалуй, могли бы. Это сейчас самая мощная разведывательная служба в Британии. Однако теперь я точно знаю, что вы голодны, посему не жеманничайте, как девица, молодость всегда голодна. Да и я не прочь, тем более что здешний повар маг и кудесник, особенно по части кулебяки. Пользуйтесь случаем, а то местная кухня, прямо скажем, так себе, я уж не говорю про корабельную.

С этими словами Симолин подвел Плещеева к отдельному столику, снял салфетку, под которой оказались разнообразные яства и напитки.

– Прошу, присаживайтесь. Закусим.

Некоторое время Симолин потчевал лейтенанта, хотя сам ел немного, а в основном с улыбкой наблюдал, как якобы сытый Плещеев уписывал блюда за обе щеки.

– Итак, Сергей Иванович, – через некоторое время продолжил разговор Симолин, – мы уведомили британское адмиралтейство о том, что вы готовы вновь приступить к службе. Фрегат после ремонта ушел в море, в адмиралтействе пока точно не знают, когда «Гермес» при-

будет в Англию. Ожидают примерно через месяц, о чем англичане обещают известить наше посольство. Капитан Крейг хочет вас непременно к себе, и немудрено, я тоже наслышан о ваших подвигах.

– Да какие там подвиги.

– Не скромничайте. Иностранцу заслужить признание на британском судне весьма непросто. Ну, что же, время до службы морской у вас есть, а служба секретная, Сергей Иванович, начинается прямо сейчас, поскольку придется вам принять участие в расследовании одного дела, и дело это не требует отлагательств, – после некоторой паузы и вполне серьезно произнес Симолин.

– Слушаю, Иван Матвеевич.

– Итак, третьего дня произошел у нас престранный и весьма прискорбный случай. Якобы будучи пьяными, повздорили двое наших, из тех, что находятся в обучении на верфях в Чатеме. В результате ученик Касатонов заколол мичмана Квашнина. Удар шпаги оказался таков, что кончик обломился и застрял меж ребер несчастной жертвы. Касатонова нашли залитым кровью в пьяном забытии прямо на мостовой в конце той же улицы со шпагой в руке. Случай туманный, потому как молодые люди приятельствовали, и Касатонов в особой жестокосердечности ранее замечен не был, выпить, конечно, не дурак, но, в общем, добрый малый. Кроме того, вижу в сем деле подоплеку политическую, поскольку лондонская пресса выставила это происшествие в том свете, что русских варваров надобно убрать из Англии, мол, сегодня они в пьяном угаре режут друг друга, а завтра накинута на добропорядочных британцев. При этом их, конечно, не смущает тот факт, что местные лиходеи столь активно вспарывают животы этим самым добропорядочным британцам, что пришлось полностью реорганизовывать местную охрану правопорядка. Людей у меня здесь раз-два и обчелся, к тому же если они поведут расследование, то всенепременно засветятся и как секретные агенты будут для меня потеряны. Вы же морской офицер, находитесь здесь вполне легально, языком владеете. Соответствующие письменные полномочия от лица русской миссии вам будут предоставлены. Если понадобится, дам вам людей в помощь, да и я вас без поддержки не оставлю.

– Есть, – коротко ответил Плещеев, чем немало поразил старого разведчика.

– Вы меня несколько удивляете. Вас что, не смущает сие задание? У вас же совсем нет опыта в такого рода делах.

– У меня много в чем нет опыта. Приказ есть приказ, и его надобно исполнять.

– Ладно. Ответ достойный. С чего хотите начать?

– Могу я увидеть шпагу, которой был нанесен удар?

Симолин позвал секретаря и велел принести вещи с места преступления.

– Поскольку обе стороны конфликта оказались русскими, полиция не стала вмешиваться, передала нам самого Касатонова, ну и почти все вещественные доказательства, в том числе и орудие убийства.

Получив шпагу, Плещеев стал внимательно ее рассматривать, особенно место слома.

– Что я могу сказать. Шпага офицерская гвардейская пехотная, мастерская братьев Юдиных. Клинок немецкий «Алекс Коппель».

– Откуда такие познания?

– Я же был каптенармусом гвардейского полка и заказывал такие шпаги, да и клеймо имеется. Юдины для гвардейских шпаг используют клинки исключительно из Золингена.

Плещеев продолжил свое обследование.

– Вот тут, на внутренней стороне эфеса, кажется, литеры имеются. У вас есть увеличительное стекло?

– Да, пожалуйста, – Симолин вынул из стола лупу в бронзовой оправе.

– Точно так, «Аз, Люди», – рассматривая эфес, подтвердил Плещеев.

– Дайте я посмотрю.

Симолин тоже стал разглядывать эфес.

– Надо же, вот они, очи молодые, – с некоторой досадой произнес он.

– Неудивительно, буквицы маленькие совсем.

– Это меня не оправдывает, – вздохнул Симолин.

– Скажите, на Квашнине был колет или какая-то другая защита?

– Нет, просто камзол.

– Немецкие клинки от такого удара не ломаются. Шпага была сломана либо после инцидента, либо кончик изначально подпилили, – уверенно констатировал Плещеев.

Он еще более скрупулезно стал разглядывать место слома через увеличительное стекло.

– Отломился самый кончик. Не понимаю, как такой небольшой кусочек мог стать причиной смертельной раны.

– Да, но шпага могла при этом войти глубоко.

– Шпага практически всегда ломается в месте укола вне тела. А где этот самый обломок?

– Вероятно, остался в убиенном.

– Что с телом? Кто-то осматривал его?

– Нам пока его не выдали, англичане держат где-то в мертвецкой.

– То есть полной уверенности, что острие шпаги находится в теле, у вас нет. Что говорит сам Касатонов?

– Он утверждает, что совершенно не помнит, как все произошло. Они якобы засиделись в игорном доме, карты, выпивка, вышли все вместе уже глубокой ночью. И все! С того момента память как отшибло.

– У Квашнина что-то пропало?

– Так, казалось бы, ерунда. Шпага, запонки, пряжки с туфель.

– Пряжки, они что, золотые, с камнями?

– Да нет, что вы, какие уж там самоцветы, род у него захудалый, только жалованье по чину да небольшая стипендия на прожитие от государыни.

– Странно все это, не правда ли? – рассудительным тоном задался вопросом Плещеев. – Казалось бы, пьяная поножовщина, коих случается великое множество, и для англичан, судя по количеству пивных в Лондоне, ситуация, видимо, столь обыденна, что они даже отказались от расследования, да и убитый не ясновельможный пан. Думаю, и тело англичане хранят по вашей просьбе, оно им ни к чему, закопали бы давно и дело с концом. Тем не менее вы проявляете серьезную озабоченность и настаиваете на расследовании, отсюда предполагаю, что Квашнин был не просто учеником на верфях.

– Однако, – с удивлением произнес Симолин, – в логике рассуждений вам не откажешь. Придется сознаться. Совершенно верно. Он являлся нашим агентом, правда, малоопытным.

– Неужто вы денег ему не добавляли?

– Добавлял, конечно, но на бриллиантовые пряжки этого бы не хватило, уверяю вас. Правда, за день до убийства он запросил довольно крупную сумму, многозначительно пояснив, что нащупал подходы, но боится взглянуть.

– Он получил указанную сумму?

– Нет, не успел. Должен был зайти утром, как раз после той злосчастной ночи.

– Он имел какое-то конкретное задание на тот момент?

– Англичане, как известно, для укрепления и защиты своих кораблей от гниения обивают днища медью. Однако они продолжают опыты в этой области. Квашнин заметил, что на одном из строящихся судов обивку производят не медными листами, а неизвестным металлом белого цвета. К этому кораблю не подпускали никого. Он должен был все разузнать по этому делу.

– Что-нибудь из пропавшего нашли у Касатонова?

– Нет.

– А рубашка? Он пытался ее спрятать?

- Да нет. Она в корзинке, можете посмотреть.
- Плещеев аккуратно разложил рубашку на столе, осмотрел, потом перевернул.
- Опять странно, – пробормотал он.
- Что же на сей раз вам показалось странным?
- Рубашка буквально пропитана кровью, которая будто хлестала из раны. Как это возможно? Не понимаю. Мне необходимо допросить подозреваемого.
- Извольте, только боюсь, это никак не прояснит ситуацию, однако если вы считаете это необходимым, пожалуйста. Он здесь, под арестом. Но только, ради бога, давайте завтра, на свежую голову. Уже поздно. Переночуете здесь в особняке, вам приготовили комнату.
- Кем мне ему представиться?
- Да кем сочтете нужным, посOLIDней только. Это даже интересно. Все, на этом закончим. К тому же сейчас мне надобно уйти, а вам – как следует отдохнуть. Утро вечера мудренее, не правда ли? Я пришлю человека, он вас проводит. Так что до завтра.
- До свидания, – попрощался Плещеев.
- Симолин бодрой походкой направился к двери.
- Карета, – услышал он сзади.
- Извините, что?
- Вы были в той карете, в порту Глазго. Верно?
- Верно, а мой кучер изображал одного из подвыпивших морячков, мы тут не щи лаптем хлебаем, – с хитрой улыбкой подтвердил Симолин.
- А почему столь много внимания моей персоне? И тут меня сопровождают, и там оберегают?
- Видимо, на вас возлагают большие надежды. Не многих отправляют в обучение к господину Финку. Еще его дед служил по тайной части Петру Алексеевичу, и я уже вижу плоды этого обучения, – ответил Симолин и скрылся за дверью.

Глава четвертая. Странный преступник

1767 год, март, Лондон

На следующий день состоялся допрос.

Перед Плещеевым предстал довольно высокий молодой человек, широкий в плечах, но несколько сутулый, худощавый, про таких говорят – «жилистый». Помятый, плохо сидящий на нем камзол, будто сшитый не по мерке, придавал его вроде бы хорошей фигуре некую нескладность. Свалявшиеся русые локоны, простое русское лицо, коих тысячи, по-доброму открытый, но испуганный взгляд довершали картину. Он никак не походил ни на законченного пьяницу, ни на безжалостного убийцу.

Симолин тоже присутствовал на допросе, но держался в стороне, дозволив Плещееву полную свободу действий.

– Здравствуйте, Александр Петрович, – спокойным назидательным тоном начал разговор офицер, – зовут меня Плещеев Сергей Иванович, я следователь от Адмиралтейств-коллегии, прибыл из Петербурга специально для прояснения обстоятельств вашего дела и сопровождения вас в Россию. Сейчас мне надо снять с вас показания, учтите, от этого разговора во многом зависит, отправитесь вы на родину в кандалах или же нет. Я ложь за версту чую, так что рассказывайте без утайки.

– Да я что, ваше благородие, не мог я Сашку, тезку своего, убить! Не понимаю, как так получилось, мы ведь вместе жильё снимали. Сашка хороший парень, но довольно скрытный, часто пропадал куда-то, так что особой дружбы мы не водили, хотя отношения сложились добрые. Ну а тут, у него именины, он сказал, что денег получил прилично, пригласил кутнуть слегка. Я, конечно, согласился. Ну вот и кутнули. Как на улицу вышли, так и отрезало. Ничего не помню. Ничегошеньки! – горько, с мольбой выплеснул Касатонов и обхватил голову руками.

– Спокойно, Касатонов, наберись мужества! – повышенным тоном произнес Симолин.

– Да уж, Александр Петрович, давайте спокойно и по порядку. Как пришли в заведение помните, в котором часу?

– Это помню. В шесть темнеет и фонари зажигают, так что пришли около семи.

– Хорошо, продолжайте.

– Ну вот, я и говорю, пришли, чин чинарем, заказали всякого, выпивали за здоровье именинника. Потом стали в брэг²³ играть, я-то не понимаю ничего толком, а он, то есть Квашнин, дока первостатейный. Он мне как-то правила рассказал. Ну я играл как мог.

– Кто еще был за столом, я имею в виду партнеров по игре?

– А, ну сидели там. Лубянов, он с нами же приехал на учебу. Вернее, не то чтобы на учебу, а что-то вроде дядьки, за нами присматривать. Мы с ним, то есть с Лубяновым, проигрались быстро и пошли выпить. Он угощал. Потом подошел Квашнин и сказал, что надо идти. Мы вышли, темно, и все, дальше не помню. Да, вот еще что. Англичанин с нами играл, я его знаю. Он на верфи кузнечными делами заведует, фамилия у него Блэксмит, подходящая к его ремеслу. Он проигрался вдрызг и отдал Сашке башмаки свои, а они в аккурат подошли. У Сашки-то сапоги стоптанные были совсем, даром что каши не просили.

– Так в момент убийства на Квашнине были чужие туфли?

– Выходит, так, Блэксмит его обувь натянул, не босым же ходить.

– А что, туфли эти были какие-то особенные, очень дорогие? Пряжка, например, золотая или с камнями?

²³ Брэг – карточная игра.

– Да нет, хотя башмаки что надо, Блэксмит долго крутил ими, нахваливал, новые, мол, первый раз надел, может, соврал, а может, и нет. Башмаки и впрямь выглядели богато, еще сказал, что у него все равно больше и нет ничего.

– Опишите туфли.

– Тупоносые, на каблуке, темно коричневые, почти черные, пряжки довольно массивные из какого-то белого металла, может серебряные, точно не могу сказать. Да, Блэксмит, он еще фамилию называл.

– Чью фамилию?

– Да мастера, сапожника. Хвастался. Как же его? – тщился вспомнить Касатонов.

– Самый дорогой мастер в Лондоне это Ламб, – вставил Симолин.

– Точно, Ламб.

– Как же вы оказались за четыре квартала от кабака? – напирал Плещеев.

– Да хоть убейте, провал какой-то. Никогда такого со мной не случалось, – сокрушенно говорил Касатонов.

– Да уж, братец, память у тебя прямо старческая, – в сердцах сказал Симолин.

– Никакая не старческая, я корабль по памяти нарисовать могу.

– Выходит, ты просто до провалов в памяти допился? – спросил Симолин.

– Никак нет, ваше высокоблагородие, я всегда меру знаю, много не употребляю, голова потом болит, ничем не унять.

– А чем тебя Лубянов угощал?

– Пивом, темным таким, на наш квас похоже, только хмельное оно сильно. Так вроде не чувствуешь, а по ногам шибает.

– Видать, не только по ногам, – буркнул Симолин.

Дальше допрос продолжил Плещеев.

– А вы все время сидели с Лубяновым или отходили куда?

– Да нет, до ветру только. Вернулся, глядь, а уже новая пинта пенится.

– А Лубянов, он всегда щедрый такой?

– Ну да, щедрый, скажете тоже, у него положенных-то денег едва допросишься. Квашнин не раз жаловался, даже рапорт хотел на него писать. Но за два дня до того вечера я долги аж за три месяца получил, Квашнин, наверное, тоже, а то откуда деньги бы взялись на попойку.

– Если Лубянов прижимистый такой, то с чего же он вдруг расщедрился?

– Не знаю, может от выпивки душа разыграла.

– Скажите, а вы шпагу всегда с собой носите?

– Нет, не люблю я этого, не привычен, что я, дворянин какой, мешается только, да и фехтованию не обучен.

– А если заварушка какая-нибудь?

– Нож за голенищем куда надежней, и кулаки будь здоров, они у меня похлеще любой шпаги будут.

– То есть обычно вы шпагу не носили?

– Так и есть.

– А откуда у вас вообще взялась шпага, да еще гвардейская?

– Как откуда? Нам всем выдали перед отъездом, а уж какая она там, я не ведаю, не разбираюсь.

– Вы понимаете, сколько стоит такой клинок? С чего вдруг вам выдали такую шпагу?

– Да не знаю я! – с надрывом ответил Касатонов.

– Значит, вы утверждаете, что обычно шпагу не носили?

– Не носил.

– И где же она хранилась?

– Где хранилась? Так на дому и хранилась, я ее в шкафу повесил, и вся недолга.

- В ножнах?
 - Ну да.
 - Почему же вы ее взяли в этот вечер?
 - Я знал, что Лубянов будет, а он всегда говорил, чтобы мы при шпагах ходили. Мол, русский офицер не хуже их джентльменов быть должен, а они завсегда при шпаге. Негоже, мол, русскому офицеру безоружным являться. Вот я и надел, чтобы он не ругался.
 - Вы же не офицер.
 - А ему все одно.
 - Это точно ваша шпага? – спросил Плещеев, показывая сломанный клинок.
 - Вот горе-то! – навзрыд вырвалось у Касатонова.
 - Ваша или нет? – настаивал лейтенант.
 - Моя, наверное. С ней я в тот день был, это точно, а до той поры и не вынимал ее толком.
 - Вспомните, это очень важно, для вас, в том числе.
 - Вы знаете, мне кажется, ручка как будто немного другая.
 - Как будто?! И не ручка, а эфес, твою..! Понимаешь, дубина ты стоеросовая, что сейчас судьба твоя решается, – не выдержал Симолин. – Были какие-нибудь особенности на сей шпаге, узоры там или надписи?
 - Да не рассматривал я ее. Говорю, в ножнах висела, – в отчаянии ответил Касатонов.
 - Кто к вам заходил в комнату? Вспоминай, живо! – напирал Симолин.
 - Никто, в общем, горничная разве что, прибрать, и Лубянов пару раз заявлялся.
 - Зачем? – спросил Плещеев.
 - Положено, проверять, чтобы в чистоте и порядке все было.
 - Когда он последний раз заходил? – спросил уже Симолин.
 - За день до этого случая, досмотрел все, в шкаф заглянул, ругался, что шпагу не ношу, что беспорядок, чертежи везде раскиданы. А они не раскиданы, они разложены были по особому порядку.
 - Что за чертежи? – поинтересовался Плещеев.
 - Кораблей английских. Я как увижу корабль, так сразу все и запоминаю, потом рисую. На верфи никаких зарисовок делать нельзя, так я дома.
 - И где же они теперь? – спросил Плещеев.
 - Не ведаю я.
 - У Лубянова ключи от вашей комнаты имеются?
 - Не знаю, мы не давали.
 - Как зовут горничную? – не унимался Плещеев.
 - Лиза, то есть Элизабет, но мы ее по-нашему прозвали, она ничего, приняла. Перед Лубяновым нас никогда дурно не выставляла, жалела нас, хотя иногда было за что, – грустно произнес Касатонов и совсем закручинился.
- Плещеев выразительно посмотрел на Симолина, тот только слегка скривился,
- Ладно, идите и попытайтесь вспомнить хоть что-нибудь, – почти по-доброму произнес Плещеев и позвонил в колокольчик, вызывая охрану.
 - Темное дело, – мрачно констатировал лейтенант, как только за подозреваемым закрылась дверь. – Одно ясно, Касатонов никого не убивал, во всяком случае, сознательно. Да и как он мог сделать смертельный укол, коли шпаги в руках в жизни не держал, да еще в таком подпитии. Все это смахивает на провокацию, но мне кажется, что для всех Касатонов должен оставаться главным злодеем. Авось истинный убийца расслабится и выдаст себя.
 - Да, на губителя своего товарища он никак не тянет. Я это сразу почувствовал, а теперь вы и вовсе мои сомнения развеяли. Однако, может быть, наоборот – объявить его невиновным, тогда настоящий преступник занервничает и проявится? – рассуждал Симолин.

– Пока не знаю. Давайте все-таки подведем некоторые итоги. Агент русской разведки получает задание и начинает действовать, через какое-то время намекает, что дело движется и запрашивает денег, скорее всего на подкуп. Потом четыре человека собираются в одно время в одном месте, выпивают, играют в карты и бац, Квашнина убивают при совершенно невероятных обстоятельствах. Причем на Касатонова, скорее всего, возвели напраслину, в общем, довольно неумело. Может, от них обоих хотели избавиться, убрать из Англии? Однако два трупа, это слишком, для второго посчитали достаточным обвинения в убийстве.

– Пожалуй, складывается впечатление, что Касатонова выбрали неслучайно. Одним выстрелом двух вальдшнепов, как это по-английски. И так красиво, мы, мол, не вмешиваемся в ваши дела. Сами разбирайтесь со своим убийцей. А причиной тому вполне могли быть незаурядные способности Касатонова делать чертежи кораблей, только увидев их, – задумчиво произнес Симолин.

– Верно! А эти пряжки, при чем здесь пряжки? Чертежи видел Лубянов, и если он завербован, то мог доложить о них своим хозяевам.

– Эко вы хватанули, Сергей Иванович, сразу уж и завербован.

– Скажите, а что известно о Лубянове?

– Ну, он состоял при графе Чернышеве, собственно, он его и направил для присмотра за теми, кто обучается здесь на верфи. Вы-то в Глазго напрямиком отправились и с Лубяновым не пересекались. Сказать про него особенно и нечего. Выпивоха, с ленцой, до юбок охоч, однако ни в чем таком замечен не был, правда, за ним никто и не следил.

– А надо бы.

– Соглашусь с вами.

– Теперь Блэксмит.

– О, Стивен Блэксмит, фигура известная, железных дел мастер, заведует на Чатемских верфях всем кузнечным хозяйством. Имеет большую семью, трое дочерей, и две из них на выданье. Выпивает тоже изрядно, картишками балуется, – доложил Симолин.

– Значит, денег не хватает, – предположил Плещеев.

– Полагаю, что да.

– Где его найти?

– Мне сообщили, что он пропал.

– Интересно. Может, он и убил?

– Туман.

– С полицией вы общались?

– Полиции, в нашем понимании, в Лондоне до сих пор не существует. Странно, правда, особенно если учесть количество грабителей, воров и другого отребья на здешних улицах. Зато в Лондоне орудуют ищейки из Боу-стритского патруля под предводительством «Слепого Джона», или «Слепого Лиса», как его еще называют. Я беседовал с одним из его помощников. Зовут его Гарри Лоу, тот еще фрукт, спесивый, с иностранцами обращается свысока, даже брезгливо, дело ему это без надобности. Тратить свое время на каких-то русских они не желают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.